

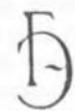

И.М. Луре

ОЧЕРКИ
ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО
ПРАВА

XVI-X ВЕКОВ ДО Н.Э.

Памятники и
исследования

Издательство Государственного Эрмитажа
Ленинград · 1960

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа*

Под редакцией М. Э. МАТЬЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга покойного доктора исторических наук Исидора Михайловича Лурье «Очерки древнеегипетского права XVI—X вв. до н. э. (памятники и исследования)» является итогом его многолетних исследований.

История права в Древнем Египте давно интересовала Исидора Михайловича, его перу принадлежит ряд работ в этой области, причем многие сделанные им наблюдения являются теперь общепризнанными в египтологии, как например установление роли храмового суда, анализ и определение ряда терминов и, в особенности, путей, намеченные им для восстановления древнеегипетского законодательства.

В своей книге И. М. Лурье использовал все известные древнеегипетские юридические документы времени Нового царства (XVI—X вв. до н. э.), необходимые исторические тексты, а также изобразительный материал. Не успел он включить в свою работу лишь несколько текстов на остраконах, опубликованных в книге J. Cerný and A. Gardiner, Hieratic Ostraca. Oxford, 1957. Однако общую характеристику этих текстов и перевод двух из них он все же дал в рецензии на указанную работу (Вестник Древней Истории, 1958, № 3, стр. 191—195), которая была опубликована уже после его смерти.

Над рукописью издаваемой книги И. М. Лурье работал, несмотря на болезнь, до самых последних дней своей жизни, улучшая ее и добавляя новый материал, и в настоящем виде работа представляет собой вполне законченный труд.

В заключение считаю необходимым принести мою искреннюю благодарность научным сотрудникам Эрмитажа И. А. Лапис и К. А. Ракитиной, оказавшим мне большую помощь в процессе печатания книги.

Редактор

ОЧЕРКИ
ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО
ПРАВА

XVI-X ВЕКОВ ДО Н.Э.

ВВЕДЕНИЕ

Древнеегипетскому праву было уже посвящено несколько общих работ и ряд исследований по отдельным вопросам¹. Первая из общих работ, вышедшая в 1892 г., принадлежит В. Шпигельбергу². Это небольшое исследование, отличное для своего времени, хотя во многом и устарело, все же не утратило своего значения и до сих пор. Следующая работа по древнеегипетскому праву появилась через восемь лет; она принадлежала бельгийскому египтологу Ж. Капару³. С 80-х годов XIX века древнеегипетским правом занимался французский египтолог Е. Ревилью. Им было написано большое количество работ, а в 1903 г. опубликовано двухтомное исследование по истории права⁴. В противоположность первым двум названным работам, в которых давался анализ отдельных элементов древнеегипетского права, Ревилью стремился охватить все стороны вопроса. Некоторые из выдвинутых положений представляют интерес еще и сейчас, но в целом многие из его переводов сильно устарели и неточны, да, кроме того, он не дифференцирует данные, извлекавшиеся им из древнеегипетских источников и демотических документов позднего времени, на которые он преимущественно опирался, что, естественно, дает искаженную историческую перспективу.

¹ Последние я упоминаю в соответствующих частях своей работы.

² W. Spiegelberg. Studien und Materialien zum Rechtswesen des Pharaonenreiches, Hannover, 1892.

³ J. Capart. Esquise d'une histoire du droit pénal Egyptien, „Revue de l'Université de Bruxelles“, Bruxelles, 1900, année 5, стр. 305 сл.

⁴ E. Revillout. Précis du droit égyptien comparé aux autres droits de l'antiquité, Paris, 1899—1903.

После названных исследований крупные работы по древнеегипетскому праву долгое время не появлялись, хотя рост материалов о Древнем Египте значительно обогатил наши знания и в этой области; издавались лишь новые документы и комментарии к ним, равно как статьи по отдельным вопросам истории египетского права.

Таково было состояние изучения древнеегипетского права, когда я заинтересовался этой темой и стал собирать относящиеся к ней материалы, на основе которых напечатал несколько статей, частично включенных в настоящую работу¹.

Очевидно, нужда в обобщающем изучении древнеегипетского права была осознана не мной одним, ибо стали появляться новые обобщающие работы по древнеегипетскому праву. Им заинтересовался бельгийский историк права Ж. Пиренн, который пересмотрел источники, касающиеся Древнего царства и опубликовал итоги своих исследований в трехтомном сочинении, вышедшем в Брюсселе в 1932—1935 гг.². Оно содержит много данных по истории права, которые, однако, потонули в том обзоре социальной истории Древнего царства, которым эта работа по сути дела и является. Пиренн предполагал таким же образом проследить историю права последующих периодов, но пока, помимо статей по различным вопросам, он опубликовал лишь схему истории развития древнеегипетского права³. В ней он исходит из обычной еще для многих зарубежных историков теории циклического развития древнего Египта, почему и изображает историю египетского права как трижды сменяющиеся переходы от абсолютистского к феодальному праву. Очень кратко, но, может быть, именно потому наиболее рельефно, взгляды Пиренна отражены в недавно вышедшей работе последователя названного ученого, считающего Пиренна первым, кому принадлежит заслуга циклического изучения древнеегипетских правовых институтов. Я имею в виду статью Ш. Шеата, который в своей работе пишет: „Между тем, углубленное изучение египетской цивилизации показывает нам, что институты Древнего Египта претерпели более чем одну эволюцию. Их

¹ Замечания к папирусу Моок, СЕК № 1, 1929, стр. 11 сл.; К вопросу о судебных оракулах в Древнем Египте, ЗКВ, т. IV, 1930, стр. 51 сл.; А note on Egyptian law-courts, JEA, т. XVII, 1931, стр. 62 сл.; К истории древнеегипетского законодательства времени Нового царства, ВДИ, 1946, № 3, стр. 27 сл.; Храмовой суд в Древнем Египте во времена Нового царства, ВДИ, 1949, № 2, стр. 32 сл.

² J. Rige p nne. *Histoire des Institutions et du droit privé de l'ancienne Egypte*, Bruxelles, 1932—1935.

³ Rige p nne. *Introduction à l'histoire du droit égyptien. Les trois cycles de l'histoire juridique et social de l'ancienne Egypte*, „Archives d'histoire du droit Oriental“, т. II, Bruxelles, 1938, стр. 11 сл. Составленная этим же ученым библиография работ, посвященных древнеегипетскому праву: *Introduction bibliographique du droit égyptien jusqu'à l'époque d'Alexandre le Grand*, „Archive d'histoire du droit Oriental“, т. III, Paris, 1948, стр. 33—123, осталась мне недоступной.

единство лишь кажущееся. До времени завоевания Александром в Египте сменилось несколько цивилизаций, которые все, будучи чисто египетскими, тем не менее разнообразны. Цивилизации не бессмертны: по истечении известного времени, они истощаются и гаснут¹. И дальше он продолжает: „...цивилизация, называемая „египетской“ в течение тех тридцати веков, которые открыты нашим взорам, умерла естественной смертью впервые перед началом Среднего царства, затем второй раз после падения Нового царства. Завоевание Александром произошло в тот момент, когда египетские институты предпринимали свой третий расцвет². Разбирать ошибочность взглядов Пиренна и его школы нет надобности: это ведь давно известная, но примененная к истории древнеегипетского права концепция Э. Мейера о цикличности исторического процесса, ложность которой уже отчетливо показана советской исторической наукой³. Основная заслуга в этом принадлежит ряду советских ученых и прежде всего академику В. В. Струве, который первым правильно определил общественные отношения стран Древнего Востока как рабовладельческие. В настоящее время марксистско-ленинское понимание основных процессов развития истории стран Древнего Востока отражено в „Истории Древнего Востока“, принадлежащей академику В. В. Струве³, в „Истории Древнего Востока“, написанной профессором В. И. Авдиевым⁴, и в созданной коллективом авторов „Всемирной истории“, первый том которой в значительной мере посвящен Древнему Востоку⁵. В этих трудах дана правильная картина основного хода развития древнеегипетского общества, в действительности далекая от той, которая положена в основу работ Пиренна и его школы. Понятно, что ошибочные взгляды этих ученых на историю Древнего Египта с неизбежностью приводят к ошибочным утверждениям и в области права; некоторых из этих ошибок я коснусь ниже.

Из иных установок исходит работа, посвященная праву того же Древнего царства, принадлежащая А. Харари⁶. Автор исходит из известного положения Энгельса о том, что государство на определенном этапе порождается самим развитием

¹ Chafik Chehata. Le testament dans l'Egypte pharaonique, „Revue historique de droit français et étranger“, 4-я серия, 32 год, Paris, 1954, стр. 2. Этому ученому принадлежит „История египетского частного права“, I том которой, напечатанный в 1952 г. на арабском языке в Каире, посвящен древнеегипетскому праву. В ней рассматриваются: 1) семейное право, 2) вопрос о собственности и 3) контракты и обязательства (книга мне известна по авторскому резюме, опубликованному в кн.: J. Janssen. Bibliographie égyptologique, 1952, Leiden, 1953, стр. 681—683).

² В. В. Струве. Проблемы истории Древнего Востока в советской историографии, ВДИ, 1947, № 3, стр. 26 сл.

³ В. В. Струве. История Древнего Востока, 2-е издание, М., 1941.

⁴ В. И. Авдиев. История Древнего Востока, 2-е издание, М., 1953.

⁵ Всемирная история, т. I, М., 1955.

⁶ A. J. Nagai. Contribution à l'étude de la procédure juridicaine dans l'ancien Empire égyptien, Le Caire, 1950.

общества, запутавшегося в противоречиях и расколотшегося на непримиримые противоположности¹. Такой подход к изучению древнеегипетского права позволил автору сделать ряд интересных наблюдений и правильных выводов. К сожалению, и эта работа не лишена недостатков, проистекших из того, что автор ошибочно усматривает в некоторых правовых институтах явления, характерные для феодальных отношений.

Но работы Пиренна и Харари посвящены только одному периоду истории Египта — времени Древнего царства. Единственной сравнительно новой попыткой рассмотрения права на протяжении всей истории Древнего Египта является работа А. Шарфа и Э. Зейдля². Последний, являющийся историком права эллинистического и римского Египта, совместно с египтологом Шарфом дал сжатый очерк процессуального и частного права Древнего Египта. Фактическая часть работы основана на значительном материале и при всей суммарности изложения имеет несомненное значение; однако первая глава, посвященная обзору условий, в которых развивалось древнеегипетское право, чрезвычайно слаба, так как авторы исходят в ней из неверных позиций. Нельзя, как это они делают, выводить особенности египетского права и „государственно-правовой облик“ Древнего Египта непосредственно из географических особенностей страны. Неправильны также представления этих авторов об египетском обществе как о социально едином организме, над которым возвышается одинокая фигура фараона. Их неверные установки отразились, разумеется, и при объяснении фактического материала.

Однако, несмотря на наличие этих работ, так же как и статей, посвященных отдельным вопросам истории древнеегипетского права, очень многое в нем остается неизвестным, неясным или ошибочно понятым. А между тем, древнеегипетское право (как, конечно в своей области, право всех иных народов) при подходе к нему с позиций марксистско-ленинской науки может дать очень многое для правильного понимания и изучения ряда пока еще слабо разработанных проблем социальной истории Древнего Египта. Именно поэтому я, не будучи специалистом в истории права, решаюсь представить вниманию читателя результаты своей работы по вопросам истории древнеегипетского права. Вместе с тем я надеюсь, что моя работа поможет советским историкам права включить в сферу своего внимания материалы, касающиеся одной из древнейших цивилизаций Востока,

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XVI, ч. I, 1937, стр. 145.

² A. Schäff und E. Seidl. *Einführung in die ägyptische Rechtsgeschichte bis zum Ende des Neues Reiches*; E. Seidl. *Juristischer Teil*, Glückstadt, Hamburg, 1939. Вторая часть работы, содержащая переводы юридических текстов, насколько мне известно, из печати не вышла.

сыгравшей значительную роль в развитии общества, и оценить по достоинству вклад Древнего Египта в эту область человеческой культуры.

Предлагаемая работа основана на непосредственном изучении источников, в первую очередь подлинных дошедших до нас древнеегипетских правовых текстов и документов. Помимо этого, в ней использованы различные исторические, литературные и религиозные надписи и папирусы, а также сообщения античных авторов, которые могли помочь осветить затрагиваемые мною вопросы. Характер и количество дошедших до нас источников определили и временные рамки моей работы — Новое царство; предшествовавшие периоды, от которых дошло весьма ограниченное количество юридических документов, затрагиваются мною только в тех случаях, когда материалы дают возможность выявить корни тех или иных правовых явлений интересующего меня времени. При этом, однако, некоторые из них, возникшие, вероятно, задолго до изучаемого периода, остались мною не рассмотренными из-за скудости дошедших до нас источников, хотя исследование этих явлений во многом способствовало бы лучшему пониманию древнеегипетского права.

Мое исследование не претендует на полноту: для многих вопросов — в частности даже для таких коренных в истории Египта, как вопросы общины, земле- и водопользования, правового положения рабов — данные дошедших до нас источников явно недостаточны; другие вопросы, значительно менее существенные, в значительной мере уже освещены в предшествующей литературе. Поэтому я ограничиваюсь рассмотрением двух основных проблем — судоустройства и карательного законодательства, которым и посвящены, соответственно, следующие разделы: Организация суда, Храмовые суды, Судебные оракулы, Клятвы и Законодательство.

Вторую часть моей работы составляют переводы почти всех юридических документов и текстов Нового царства. Переводы некоторых текстов я дать не смог: в отдельных случаях, как это имеет место, например, в отношении Берлинского папируса 3047, отсутствует новое издание текста или его удовлетворительная фотография (делать же перевод по заведомо устарелому и неточному изданию мне казалось нецелесообразным); в других случаях документы только переведены, но не изданы, а получить их доброкачественные воспроизведения мне не удалось.

Читателю следует учитывать, что не все переведенные мной источники равнозначны: наряду с официальными судебными протоколами, контрактами, завещаниями, памятными стелами мной переведены дошедшие до нас черновики юридических актов, частные письма, надписи на стенах могил или плитах, которые не являлись официальными документами. В этих надписях и черновиках, естественно, могли не быть отражены все детали судебного процесса или все условия заключенных контрактов.

Этот различный характер переведенных документов оговорен в переводах.

Я отлично понимаю, что моя работа, как и все предшествовавшие, оставляет неосвещенным целый ряд сторон древнеегипетского права, представляющих огромное значение для его правильного понимания. Но осветить их мешает либо отсутствие данных, либо их крайне недостаточное количество. Ведь до сих пор еще деловые папирусы насчитываются лишь десятками. Правда, продолжающиеся раскопки, равно как и изучение еще неопубликованных фондов музеев, время от времени обогащают науку новыми данными, поэтому можно надеяться, что многие сегодня еще нерешенные проблемы завтра будут ясны.

Однако мне кажется, что и в настоящем виде предлагаемая работа поможет лучшему изучению и пониманию древнеегипетской культуры.

При подготовке настоящей работы к печати мной учтены замечания и пожелания, высказанные академиком В. В. Струве и профессорами Н. Д. Флиттнер, Ю. П. Францевым и И. И. Яковкиным, а также моими товарищами, ознакомившимися с рукописью. Всем этим лицам я приношу здесь свою благодарность за товарищескую критику и помощь.

ГЛАВА II

ОРГАНИЗАЦИЯ СУДА

§ 1. РОЛЬ ФАРАОНА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Фараон, по древнеегипетским представлениям, сложившимся еще во время Древнего царства,—наследник богов², являлся, подобно им, олицетворением правосудия³. Поэтому вполне естественно, что в ряде текстов встречаются указания на его деятельность в этом направлении. Так, мы знаем, что фараону докладывали о совершенных преступлениях⁴ и он назначал лиц, которым надлежало проверить правильность предъявляемых обвинений⁵. Ему же докладывали, например, имена тех, кто был признан виновным в ограблении царских гробниц⁶,

¹ О встречающихся условных обозначениях (различных шрифтах, скобках и т. п.), а также о применении транскрипции при переводе египетских слов см. „Введение“ ко второй части, стр. 129—131.

² См. об этом, например: В. И. Адиев, Идеология обоготворения царя и царской власти в Древнем Египте, „Историк-марксист“, № 8—9, 1935, стр. 133 сл. и М. Э. Матье, Древнеегипетские мифы, М.—Л., 1956, стр. 28 сл.

³ Достаточное количество говорящего об этом материала собрано, например: A. Moge, L'appel au roi en Egypte au temps des pharaons et de Ptolemées, „Actes du X Congrès international des orientalistes. Session du Genève 1894“, Leiden, 1897, ч. 4, разд. 4, стр. 141—145. Надо, впрочем, отметить, что ряд примеров, привлеченных автором для подтверждения высказанных им положений, несостоятелен, так как в действительности они являются оракулами, высказанными от лица статуй обожествленных фараонов.

⁴ ПБрМ 10383, 1, 4. Достаточно часто встречаются также в текстах угрозы сообщить фараону о чьих-либо преступлениях. См., например: ПБрМ 10221, 5, 18; ПТМ 1880, гл. 1, 5 и гл. 2, 4; ПБрМ 10055, вт. II, 5.

⁵ ПБрМ 10383, 1, 2—3 и ЮПТМ. О том, что фараон назначал лиц, проверявших правильность поданных ему жалоб, мы знаем еще из документа времени XIII династии; см. Найес, Paprygus..., табл. V и VI, вставки В и С. Следовательно, и в эти времена, во всяком случае иногда, фараону докладывали о совершенных преступлениях.

⁶ ПБрМ 10221, 8, А, 2.

и, видимо для утверждения, направляли в некоторых случаях приговоры суда вместе с протоколами допроса¹. Наконец, фараон являлся законодателем². Осуществление некоторых наказаний, как например отрезание уха, требовало, по-видимому, санкции фараона. Такой вывод подсказывает одно из обвинений³, заключавшееся в том, что у некоего Сахатуэмнефера было отрезано ухо „без ведома фараона, ж. з. б.“⁴.

При всем этом, во всяком случае для времени Нового царства, очень трудно говорить о непосредственном участии фараона в судопроизводстве. Мне известно только несколько текстов, позволяющих судить об этом вопросе. Один — это протокол допроса лиц, обвинявшихся в ограблении царских гробниц. В нем имеется перечень лиц, доставленных для допроса, но в отношении одного из них — Джхутихотепа, главы привратников, сказано: „Он был перед фараоном, ж. з. б. Не доставили его нам в документе“⁵ (т. е. он не был упомянут в списке приведенных для допроса грабителей). Из этой оговорки видно, что, по не известным нам причинам, дело одного из обвиняемых было рассмотрено, очевидно, самим фараоном. Это, по-видимому, исключение из обычной практики. Другой текст — изложение процесса о праве владения земельным наделом, в котором показания истца подкреплены следующей клятвой: [„Как существует Амон! Как существует правитель!]. Я говорю фараону, ж. з. б., правду, не говорю я лжи“⁶. Мне кажется, что текст клятвы нельзя понимать буквально, потому что совершенно невероятно, чтобы такое событие, как личное присутствие фараона на заседании суда, не было особо оговорено в надписи. Ведь текст, хотя он и не является официальным документом, а всего лишь надписью на стене гробницы, излагающей длительный семейный процесс, все же сообщает различные перипетии этой многолетней тяжбы. В нем не только сообщаются имена судей, свидетелей и тех лиц, которые по поручению суда проверяли обстоятельства дела, но приводятся даже копии подлинных документов. Гораздо более вероятно видеть в формуле клятвы указание на то, что она была произнесена перед статуей фараона, стоявшей в зале суда, подобно тому, как это было в других присутственных местах⁷.

Третий текст, который, если следовать толкованию его издателей — Я. Черного и Э. Пита, мог бы способствовать уяснению

¹ П. Леопольда II, 3, 19 и 4, 11.

² См. об этом на стр. 93 сл.

³ ПТМ 1887, гл. 2, 3.

⁴ Сокращение „ж. з. б.“ означает часто встречающуюся после имен царей благожелательную формулу: „да живет он, здравствует и благоденствует“.

⁵ ПЛивМ 11162, 12, 26.

⁶ A. Gardiner. Mes, текст N 1.

⁷ В. А. Николаева. О почитании царских статуй в присутственных местах... Сб. Государственный Эрмитаж, вып. III, п. 19, стр. 17 сл.

интересующего нас вопроса,— это папирус Туринского музея 2021, устанавливающий порядок наследования имущества детьми жреца Аменхау от его первого и второго браков. В нем (на листе 2, строки 11—12) мы читаем: „Ибо фараон, ж. з. б., сказал: „Пусть он (т. е. Аменхау, — И. Л.) сделает мне [доклад (?)] относительно] всего, что он устроил (буквально сделал) совместно с горожанкой Инкеннеджем“¹, — и далее (лист 3, строки 4—5): „...фараон, ж. з. б., сказал: „Пусть дают каждой женщине ее *srf* (приданое)!“ Издатели текста, комментируя второй из приведенных примеров, колеблются в переводе этого места, допуская, что это может быть ссылкой как на законодательство Египта, так и на специальное указание царя по данному делу². Второе толкование текста мне представляется неприемлемым. Прежде всего, выражение *rg*³ не всегда применяется к здравствующему царю (и пример тому приводят сами Я. Черный и Т. Э. Пит); во-вторых, сами авторы в комментарии к первому из приведенных отрывков правильно обращают внимание на то, что в то время как все изложение ведется от лица Аменхау, в данной фразе он обозначен местоименным суффиксом 3-го лица и что, следовательно, вероятно, здесь процитировано какое-то узаконение⁴; в-третьих, против непосредственного участия царя в рассмотрении дела, изложенного в документе, говорит и сам характер этого дела. Ведь папирус содержит не процесс, а фиксацию перед судебной палатой раздела имущества между детьми жреца Аменхау от двух браков. Поэтому слова, приписываемые текстом фараону, вовсе не обязательно понимать как его конкретное указание по данному поводу. Более вероятно видеть в словах, якобы произнесенных фараоном, ссылку на закон, касающийся порядка раздела брачного дара и имущества, нажитого при совместной жизни супругов, между их детьми. Это тем более вероятно, что дальше имеется ссылка на слова фараона, которые и самими издателями текста понимаются как ссылка на закон: „ибо фараон, ж. з. б., сказал: „Пусть дают каждой женщине ее *srf* (приданое?)“⁴.

Таким образом, в приведенных случаях я не усматриваю данных, говорящих о непосредственном участии фараона в судопроизводстве, и мне не известен ни один документ, неоспоримо свидетельствующий об этом. Тем не менее, было бы рискованно на этом основании утверждать, что такая возможность вообще была исключена. В одном восхвалении царя, относящемся, по-видимому, к концу XIX династии, мы читаем, между прочим, следующее: „Если мне случалось бывать в *кенбете*, истина была

¹ ПТМ 2021, 2, 11—12.

² J. Černý and T. E. Peet, A Marriage Settlement of the Twentieth Dynasty, JEA, т. 13, 1927, стр. 38.

³ Там же, стр. 34, комм. 8.

⁴ ПТМ 2021, 3, 4—5.

такой, как она должна быть¹, замыслы законов незыблемыми и не делалось изменения решениям, ибо я молчал, чтобы узнать обстоятельства², т. е., следовательно, случаи, когда фараон присутствовал на судебных заседаниях, все же, по-видимому, могли иметь место. К тому же из всего контекста возможно предположить, что фараон говорит здесь о том времени, когда он был еще соправителем своего отца³. Поскольку выше отмеченное отсутствие в подлинных судебных документах свидетельств о присутствии фараона при разборе дела говорит о редкости таких случаев, мне представляется, что положение, которое зафиксировано в „должностной инструкции везиру“: „Ему (т. е. везиру) будут докладывать о каждом просителе к владыке, после того как он (т. е. проситель) учинит (жалобу) в письме“⁴, — соответствовало судебной практике времени Нового царства, и фактическим руководителем аппарата правосудия являлся везир.

Дальнейшим подтверждением предлагаемой точки зрения является описание суда, имеющееся у Диодора (I, 75), в котором вовсе не фигурирует фараон; понятно, что этого не могло бы произойти, если бы в судебной практике середины и второй половины I тысячелетия были обычны заседания в присутствии царя.

Вместе с тем следует отметить, что в древнейшие периоды истории Египта судебные заседания, бесспорно, протекали в присутствии самого фараона. Об этом свидетельствуют представления о загробном суде над умершим, происходившем перед царем мертвых — богом Осирисом; о том же говорят описания суда богов, сохранившиеся в литературных и религиозных текстах, в которых суд возглавляет царь богов. Вполне отчетливо прослеживается участие царя в разборе тяжб в так называемых, „Текстах пирамид“, сохранивших наряду с представлениями, характерными для общинно-родового строя, и те, которые обязаны своему возникновению отношениям, существовавшим при сложении и начальных этапах рабовладельческого общества⁵.

Совершенно очевидно, что такие религиозные представления могли сложиться только под влиянием практики земного суда, заседавшего под председательством главы племенного объединения, а затем фараона. Но для времени Нового царства это был уже давно пройденный этап. Именно потому, мне кажется,

к Амону-Ра, являвшемуся тогда главным фиванским божеством, обращены не только торжественные и пышные гимны, восхвалявшие его как царя всех богов, творца вселенной и покровителя Египта, но и незатейливые молитвы людей, принадлежавших к низшим слоям свободного населения Египта и просивших заступничества великого бога в суде. В молитвах этого рода Амон неизменно именуется „везиром“¹ или „везиром бедняка“², так как в те времена в представлении масс, отражавшем действительное положение вещей, вершителем правосудия был именно везир.

§ 2. СУДЕБНЫЕ ФУНКЦИИ ВЕЗИРА

Многогранные обязанности *чати* — того сановника, которого обычно именуют везиром, являвшегося не только высшим судебным чиновником, но, по сути дела, правой рукой фараона во всем управлении государством, в наиболее полном виде охарактеризованы в „должностной инструкции везиру“ и в тексте „назначения везира“, перевод которых дан во второй части настоящей работы. Исключительное значение, которое имеют названные документы не только для понимания судебных функций везира, но и для характеристики многих сторон организации аппарата правосудия, вынуждает меня остановиться на них несколько подробнее.

„Должностная инструкция везиру“ была впервые опубликована Ф. Виреем³ в его издании гробницы Рехмира — везира времени Тутмеса III — Аменхотепа II. Она воспроизводилась затем в ряде изданий⁴ и была подвергнута специальному изучению в работе Д. Фарина⁵. Будучи понята первоначально как индивидуальное наставление, данное Тутмесом III лично Рехмира при его назначении везиром, впоследствии, при обнаружении фрагментов аналогичных текстов в нескольких гробницах других везиров Нового царства, она была совершенно правильно истолкована как традиционная должностная инструкция, восходящая, вероятно, к более отдаленному времени и читавшаяся при назначении нового везира. Акад. Б. А. Тураев, например, относит ее составление к Среднему царству⁶, и данные языка полностью подтверждают такую датировку появления

¹ П. Анастази II, 8, 6—9, 1.

² ПБоМ 1094, 2, 4—7; П. Анастази II, 6, 5—7.

³ Ph. Virey. Le tombeau de Rekhmara. „Mémoires de la Mission Archéologique Française au Caire“, т. V, Paris, 1889.

⁴ P. Newbergus. The Life of Rekhmara, Westminster, 1900, pl. II—III и Urk. IV, 1119—1128.

⁵ Farina. Le funzioni del vizir Faraonico sotto la XVIII din., „Reale Accademia dei Lincei, Rendiconti“, Classe di scienze morali, storiche e filologiche, Roma, 1916, серия 5, т. 25, стр. 923 сл.

⁶ Б. А. Тураев. Египетская литература, т. 1, М., 1920, стр. 75.

¹ Буквально „в своей прямизне“ (см. Gardiner. A Pharaonic Encount., JEA, т. 42, 1956, стр. 15, комм. к 2, 10).

² ПБоМ 1882, тт. II, 9—III, 1.

³ Издатель текста А. Гардинер, не высказываясь с определенностью по данному вопросу, пишет: „Не говорит ли здесь царь о времени, предшествовавшем его вступлению на престол?“ (см. Gardiner. A. Pharaonic Encount., JEA, т. 42, 1956, стр. 15, комм. к 2, 9—10).

⁴ Urk. IV, 1112, 3—4.

⁵ См. об этом Naggar, Contribution..., стр. 4 сл.

текста¹. Для Нового царства она, кроме упоминавшейся уже гробницы Рехмира, в той или иной степени сохранности, засвидетельствована в гробницах визиров Амонусера² (времени Тутмеса III), Амонемипета³ (времени Аменхотепа II) и Пасара⁴ (времени Сети I — Рамсеса II). Таким образом, применение инструкции на протяжении более чем 200 лет прослеживается документально. Однако без большого риска ошибиться можно высказать предположение, что „должностная инструкция визиру“ продолжала действовать и в более позднее время. Во всяком случае, рассказ Диодора (I, 70) о регламентированном распорядке дня фараона, в котором он, между прочим, сообщает, что утром фараон выслушивает письма, поступившие из разных мест страны, поразительным образом напоминает строки „инструкции“, касающиеся доклада визира фараону: „Затем он (визир) войдет приветствовать владыку, ж. з. б., и будет докладывать ему в его доме ежедневно о состоянии Обеих Земель“⁵.

То же самое, примерно, следует сказать относительно текста „назначения визира“, ставшего известным позднее „должностной инструкции“ и изученного в работах А. Гардинера⁶ и К. Зете⁷, а в последнее время Р. Фолькнера⁸, привлекавших в своих исследованиях аналогичные, но сильно фрагментированные тексты из гробниц визиров Амонусера (времени Тутмеса III) и Хапи (времени Тутмеса IV (?)). Этот текст, произносившийся фараоном при назначении нового визира, также является трафаретным и, судя как по данным языка, так и по упоминающейся в нем речи, сказанной фараоном при мемфисской церемонии возведения визира, восходит по меньшей мере к Среднему царству. В отличие от „должностной инструкции визиру“ текст „назначения визира“ излагает в большей мере моральные требования, которыми должен руководствоваться новоназначенный визир, чем те правила, по которым он должен отправлять свои обязанности. И то обстоятельство, что текст „назначения визира“ одинаков в ряде гробниц, является лучшим доказательством, что требования, которые он предъявляет визиру, были закреплены в египетской традиции, восходящей, может быть,

¹ См., например, многократное употребление термина *d } d } t* (*Urk.* IV, 1114, 14; 1115, 16 и др.), который, как я показываю ниже, стр. 43 сл., во времена Нового царства являлся пережиточным. Древность текста устанавливается еще и тем обстоятельством, что хотя Рехмира был визиром только Верхнего Египта, текст инструкции говорит об одном визире всего Египта.

² Farina, *Funzionari*.

³ Там же.

⁴ R. Anthes. Ein bisher unbekanntes Exemplar des Dienstordnung des Wesiers, „Melanges Maspero“, т. I, Caire, 1934, стр. 155 сл.

⁵ *Urk.* IV, 1105, 12—13.

⁶ A. Gardiner. The Installation of a vizier, Rec. de Trav., т. XXVI, 1904, стр. 1 сл.

⁷ K. Sethe. Die Einsetzung des Viziers, „Untersuchungen zur Geschichte Ägyptens“, т. V, вып. 2, Leipzig, 1909.

⁸ R. O. Faulkner. The Installation of Vizier, JEA, т. 41, 1955, стр. 18 сл.

еще ко времени Древнего царства. Такое предположение подсказываетя наличием в тексте „назначения визира“ не только мысли, аналогичной имеющейся в поучении Птаххотепа¹, но и упоминанием в этом тексте мемфисской церемонии, которая могла возникнуть только тогда, когда Мемфис был столицей Египта.

Резюмируя кратко судебные обязанности визира, как они выглядят в его „должностной инструкции“, мы можем сказать, что он был главой центрального судебного присутствия, являвшегося как апелляционной инстанцией, так и (для некоторых дел) судом первой инстанции; визир был тем лицом, которое с помощью центральной судебной палаты или специальных чиновников руководило и контролировало деятельность всех судебных органов страны, и, наконец, лицом, которое имело право возбуждать процессы против других высших сановников.

Судебная практика, отраженная в ряде документов, показывает, что фактическая деятельность визира времен Нового царства вполне соответствует той картине, которую рисует „должностная инструкция“. Так, в большом количестве случаев мы видим его во главе центрального судебного присутствия отправляющим правосудие; к нему апеллируют на действия местных чиновников², ему докладывают имена грабителей³, перед ним оформляют порядок наследования имущества⁴, в его присутствии опечатываются завещательные распоряжения, — завещание (*imj.t pr*)⁵ Сенимеса, воспитателя одного из сыновей Тутмеса III, было „(учинено) управлением визира в этот день перед начальником Города⁶ — визиром“⁷. В его архиве хранятся протоколы судебных заседаний⁸, и он руководит дознаниями⁹. Даже во время его отлучек из резиденции фараона специальные курьеры привозили ему сообщения о всех наиболее существенных делах¹⁰. Все это дает нам полное основание считать, что и во времена Нового царства „должностная инструкция визиру“ являлась не просто документом, который, в силу устойчивости традиций, читался при процедуре назначения нового визира, но именно той инструкцией, которая определяла его действительные функции и, в частности, функции в области

¹ См. ч. II, стр. 135, прим. 3.

² П. Анастази V, 13, 7—14; ПБрМ 1086, 16.

³ ПБрМ 10068, rt. 16 и ПБрМ 10221 8, A, 20.

⁴ ПТМ 2021.

⁵ Перевод этого понятия окончательно не установлен. Wb. 1, 73 дает наряду с иными и такое значение термина. E. Seidl. Zum juristischen Wortschatz den Alten Ägypten, Festchrift Fr. Dornseif, Leipzig, 1953, стр. 325, считает более осторожным перевод „домашний инвентарь“ (*Hausinventar*).

⁶ „Городом“ часто называли столицу Египта Фивы, подчеркивая этим ее превосходство перед прочими городами страны.

⁷ *Urk.* IV, 1070, 9. Текст настолько поврежден, что дать его связный перевод невозможно.

⁸ ПБрМ 10221, 7, 16.

⁹ См., например, ПБрМ 10053, rt. 15.

¹⁰ ПБрМ 10221 6, 22—23.

права. Из этого, впрочем, не следует делать вывода, что положение самого везира во все времена продолжало оставаться неизменным. Но об этом — ниже.

Звание чати — „везир“ засвидетельствовано уже в IV династии¹, но возникает оно, возможно, еще раньше². К тому же, примерно, периоду относятся титулы, которые во времена Древнего царства, сочетаясь со званием везира, выражали его судебные обязанности: „судья врат“³; „уста Нехена“ (т. е. древней столицы); „великий пяти домов Тота“ и (начиная с V династии) „начальник шести великих домов“⁴, т. е. начальник органа, который, как это установил Ж. Пиренн, являлся в те времена высшей судебной инстанцией страны. Эти же титулы применяются по отношению к везиру иногда еще во времена Нового царства, но пережиточный характер их, не связанный уже ни с какими реальными институтами, был отмечен еще В. Шпигельбергом⁵.

Какое значение придавалось должности везира уже при ее появлении во времена IV династии, видно из того, что ее занимают первоначально исключительно царевичи⁶, и можно только согласиться с мнением Г. Кеса, что переход этой должности при V династии в руки лиц не царского происхождения и, особенно превращение ее при VI династии в наследственную должность семей верхнеегипетских номархов, могли иметь место только в связи с ослаблением монополии царской власти⁷ и, как

¹ K. Sethe. Geschichte des Amtes... im Alten Reich, AZ, 28, 1890, стр. 44.

² Так, Е. Мейер. Geschichte der Altertum, Stuttgart, 1925—1939, т. 23, § 208, считает, что на палете Нармера рядом с фараоном изображен, как гласит титул этого лица, везир. Н. Кес. Aegypten, München, 1933, стр. 179, прим. 3, находит, однако, это мнение сомнительным. W. Heelk. Untersuchungen zu Beamtentiteln des ägyptischen Alten Reiches, Glückstadt, 1954, стр. 134, ссылаясь на устное сообщение Кеса, устанавливает, что этот титул имеется в надписи на одном из остряков, найденных в ступенчатой пирамиде Джосера (см. также стр. 16, прим. 7 в той же работе).

³ Буквально: „находящийся при вратах судья“ (uty). Gardiner. Egyptian Grammar, London, 2 изд., 1950, стр. 494; 3 изд., 1957, стр. 494, предлагает переводить uty: „находящийся при занавесе“ (*he of the curtain*), связывая это звание со словом ut — „занавеса“ (Wb. V, 232), близким по звучанию к слову ut „врата, дверь в храме“ (Wb. V, 321). Однако В. Хельк (Heelk. Beamtentiteln..., стр. 56, прим. 9), не соглашаясь с Гардинером, переводит: „находящийся при вратах“ (der vom Torweg). Подобное же понимание данного звания см. Pirenne. Institutions, т. I, стр. 261. Такой перевод представляется правильным, так как и сам Гардинер определяет значение данного иероглифа как „ворота (?) со змеями-защитниками над ними“.

⁴ Pirenne, Histoire, т. II, стр. 114, предполагает перевод „Палата шести“.

⁵ W. Spiegelberg. Studien, стр. 5.

⁶ K. Sethe. Geschichte des Amtes... im Alten Reich, AZ, 28, 1890, стр. 44; см. также Н. Кес, Aegypten, München, 1933, стр. 188.

⁷ Kees, Aegypten, München, 1933, стр. 188.

я полагаю, в свою очередь не в малой степени способствовали этому процессу.

Во времена Среднего царства везир продолжал оставаться высшим чиновником в государстве и по обычаям, установленным начиная с везира Кафемни (начало VI династии) и сохранившимся в последующие периоды, занимал одновременно должность градоначальника столицы.

Сосредоточение в руках везира всей полноты власти создавало угрозу для царского престола, угрозу тем более значительную, что временами, как например и в первую половину XVIII династии, должность эта была наследственной¹. Эта опасность в начале Нового царства была, по-видимому, учтена энергичными фараонами того времени, и этим, очевидно, следует объяснить отмеченный еще Гардинером² факт наличия, по крайней мере с правления Тутмеса III и вплоть до Рамсеса IV включительно³, одновременно двух везиров: юга и севера, которые соответственно титуловались: и   . Резиденцией первого были Фивы, второго — до начала XIX династии — Мемфис, позднее же, по-видимому, Перрамес.

Как долго удержалось это мероприятие, сказать трудно, и, судя по папирусу Аббот⁴, во времена Рамсеса IX в Египте был опять один везир, которого текст называет „везир земли“⁵.

Однако, несмотря на свое исключительное положение в чиновном аппарате управления Египтом, везир не мог рассматривать судебные дела единолично. Правда, некоторые тексты могут создать иное впечатление. Я имею в виду те случаи, когда

¹ Везиры начала XVIII династии — Яхмес, Амонусер и Рехмира — принадлежали к одной семье.

² Gardiner. Mes, стр. 33. Мнение, высказанное Н. Кес. Beiträge zur altägyptische Provinzialverwaltung, II, Unterägypten, „Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Nachrichten, Phil.—Hist. Klasse“, Berlin, 1933, стр. 579 сл., о том что во времена VII династии должность везира была поделена между двумя лицами, по-видимому, справедливо опровергается Rieppen, Histoire, т. III, стр. 63—65.

³ За весь этот промежуток времени, указывает А. Гардинер (Mes, стр. 33, прим. 5), только при Рамсесе II — начиная с середины и до конца его царствования — должность везира обеих частей страны была сосредоточена в одних руках. Это замечание Гардинера основано на надписях везиров времени Рамсеса II — Рахотепа (см. G. Daressy. Notes et remarques Rec. de Trav., т. 24, стр. 164) и Хай (не опубликована), однако иные надписи того же везира Рахотепа (H. Wiegelsch. Thesaurus inscriptionum Aegyptiacarum, т. 5, Leipzig, 1891, стр. 951) называют его „начальником города и везиром Инбу“ (т. е. Мемфиса), а надпись, опубликованная A. Magiette, Catalogue Général des monuments d'Abydos, Paris, 1880, 1138, называет его везиром Перрамеса. Это ставит под сомнение основательность приведенной оговорки А. Гардинера. Ей же противоречит и запись, сохранившаяся на ОБМ 10633, в которой сообщается о том, что в 29-м году Рамсеса III (об установлении датировки остряка см. И. Лурье. Забастовка ремесленников..., ВДИ, 1951, вып. 1, стр. 230, прим. 3) 21-го дня второго месяца *ахет* везир Та был назначен везиром Верхнего и Нижнего Египта⁶.

⁴ ПБРМ 10221, 6. 22—23.

⁵ ПБРМ 10221, 7. 10; об одном везире говорит и Диодор (1, 71).

документы, описывая допрос сторон или преступников¹ или излагая приговор², пишут „сказано везиром“. Однако при более внимательном рассмотрении документов такое впечатление исчезает. Так, в упомянутом уже папирусе Туринского музея 2021 речь лица, просящего утвердить производимый им раздел имущества между своими детьми от разных браков, начинается с заявления: „[Я стою] сегодня перед везиром [и] серами кенбета.“ Папирус Британского музея 10052 сообщает, что вопросы обвиняемым задавал не только везир, но и другие чиновники, например начальник сокровищницы фараона³, который, так же как и везир, значится в числе лиц, производивших допрос грабителей⁴. Поэтому можно с полной уверенностью считать, что во всяком случае во времена Нового царства свои судейские функции везир осуществлял только вместе с другими членами палаты.

Дошедшие до нашего времени тексты Нового царства в роли органов суда называют *кенбет* и *джаджат*.

§ 3. КЕНБЕТ

Наиболее часто упоминаемой текстами Нового царства судебной инстанцией является *кенбет*. Происхождение названия этого органа, равно как значение самого термина, остается неясным. Наиболее вероятное объяснение его, исходя из арабского *ganb*, предложил С. Габра⁵, понимающий термин как „люди угла“, т. е. как те, которые находятся по сторонам своего владыки. В древнеегипетском языке „угол“ также назывался „кенбет“ (Wb., V, 53/5).

Тексты засвидетельствовали различные обозначения для этого термина: 1) „кенбет “, 2) „кенбет земли“, 3) „кенбет   дворца“, 4) „кенбет Города“, 5) „Большой кенбет   Города“, 6) „Большой кенбет“, 7) „кенбет   округа“, 8) „кенбет Мемфиса“, 9) „кенбет   некрополя“, 10) „кенбет   слушающих“ и 11) „кенбет   этого дня“. Существуют также храмовые *кенбеты*, но их я коснусь при рассмотрении храмового суда.

Что же представляют указанные разновидности *кенбета*? Для того чтобы выяснить это, попробуем разобраться в том, что можно установить относительно каждой из них, и прежде всего отметим те, которые в действительности уже не сущес-

¹ ППМ 2021, III, 5 и III, 8—9. См. также ПБрМ 10052, 1, 14, 1, 17 и др.

² ПБрМ 10052, 3, 11.

³ ПБрМ 10052, 4, 1.

⁴ ПБрМ 10052, 1, 1—5.

⁵ G abra, Conseils, стр. 11.

ствовали в Новом царстве, равно как укажем те, значение которых уже твердо установлено.

То, что в Новом царстве „кенбет двора“ являлся „мертвым членом в придворном организме“¹ и действующим органом не являлся, равно как и то, что „кенбет этого дня не был особой разновидностью *кенбета* и что этот эпитет вытекал из самого характера судебного присутствия“² (к которому я вернусь ниже), известно уже давно. Следовательно, эти выражения для *кенбета* здесь рассматриваться не будут. Не будет рассматриваться и „кенбет земли“, который ни разу не упоминается в документах этого времени и засвидетельствован лишь в текстах Среднего царства³.

Кенбет

Это не особая разновидность термина, за которой следует искать какой-то особый вид судебной инстанции, а, наоборот, наиболее общее ее обозначение. То, что это действительно так, можно установить исходя из того, что документы употребляют это выражение, чередуя его с иным обозначением суда. Так, например, ПБМ 10496 называет судебный орган, перед которым разбиралась тяжба о праве собственности на могилу, то *кенбет седжемиу*, то просто *кенбет*⁴. Судебный орган, в котором разбиралось дело о произнесении хулы против фараона, являвшийся на самом деле „кенбетом некрополя“, называется то просто *кенбетом*, то „*кенбетом этого дня5. Именно поэтому, когда в различных поучениях говорят о суде, не определяя его более точно, говорят просто *кенбет*⁶.*

Таким образом, в тех случаях, когда тексты обозначают суд просто выражением *кенбет*, его не следует понимать как особую категорию суда. Наличие же такого выражения в деловых документах объясняется тем, что писцы, составлявшие их, либо по небрежности, либо ввиду полной ясности того, о какой именно разновидности суда идет речь, не выписывали его названия полностью.

¹ Spiegelberg, Studien, стр. 54. К двум известным тогда упоминаниям этого *кенбета* теперь можно добавить еще ссылку на поучение Аменемопе (XX, 18).

² Spiegelberg, Studien, стр. 59; Gabra, Conseils, стр. 23.

³ ПЛМ 1344, 7, 9 и ПЭМ 1115, 103, 3; Gabra. Conseils, стр. 19, полагает, что „кенбет земли“ — выражение тождественное „кенбет   царского дома“, которое также встречается в надписях Среднего царства. В ПБрМ 10221, 6, 22—23, относящемся к царствованию Рамесса IX, т. е. к тому периоду, когда для всей страны был один везир, встречается выражение „везир земли“, которое следует, мне кажется, связать с понятием „кенбет земли“, однако я не решаюсь утверждать, что центральный *кенбет* в этот период Нового царства носил это название.

⁴ ПБМ 10496, vs. 8 и 14 vs. 12.

⁵ ОКМ 25556 строк. 1 и 5.

⁶ См., например, П. Анастази II, 8, 6 и поучение Ани VII, 17—18.

„Кенбет Города“¹, „большой кенбет Города“
и „большой кенбет“

Еще Шпигельберг установил, что и „кенбет Города“, и „большой кенбет Города“ являются разными названиями одного и того же центрального суда, находившегося в Фивах и возглавлявшегося везиром.

Хотя „большой кенбет Города“ упоминается в нескольких документах², его состав перечислен только в папирусе Аббот³. Здесь его членами названы: 1) начальник Города, везир Хаэмусас, 2) верховный жрец Амона Аменхотеп, 3) (второй) жрец Амона, жрец-сем храма „Многолетий царя Верхнего и Нижнего Египта Неферкарасетепенра“, Несиамон, 4) царский дворецкий, писец фараона, ж. з. б., глава дома верховной жрицы Амона-Ра, Несиамон, 5) царский дворецкий, докладчик фараона, Неферкараэмперамон, 6) заместитель (начальника) колесничих Гори, 7) штандартоносец корабля Гори и 8) князь Города Пасар⁴.

Половина этих же лиц, а именно везир Хаэмусас, царский дворецкий Несиамон, царский дворецкий Неферкараэмперамон и князь Города Пасар, по другому документу, ведут следствие, касающееся того же процесса грабителей царских могил⁵. В том, что это те же самые лица, которые названы в папирусе Аббот, не возникает никаких сомнений, потому что тот же текст, сообщая дальше о передаче обвиняемых верховному жрецу храма Амона и перечисляя сановников, совершивших эту передачу, называет их „великие серы большого кенбета Города“⁶. Поэтому можно утверждать, что и этот папирус также вышел из канцелярии „большого кенбета Города“. И это вполне естественно, ибо вопрос об ограблении ряда царских могил должен был, конечно, рассматриваться высшей судебной инстанцией страны. К этой же инстанции, безусловно, восходят и все прочие документы, касающиеся того же процесса грабителей царских могил⁷, и поэтому имеющиеся в них указания о составе судей дают нам дополнительные возможности для уяснения: кто же входил в „большой кенбет Города“?

Так, в папирусе Майер А упомянуты следующие члены суда⁸:
1) начальник Города, везир Небмаатра[нахт], 2) начальник

¹ См. прим. 6 на стр. 19.

² ПТМ 2021, 4, 3; П. Леопольд II, 4, I; П. Аббот, 7, 2—6.

³ ПБрМ 10221, 7, 2—6.

⁴ Имена некоторых из этих членов судебной палаты упоминаются и в других местах того же текста, но без указания на то, в состав какого кенбета они входили.

⁵ П. Леопольд II, 1, 5—7.

⁶ П. Леопольд II, 4, 1—3.

⁷ Так считает и Т. Е. Реет. Tombs-robberies..., стр. 19.

⁸ П. Майер А, 1, 6—7. Следует отметить, что еще В. Шпигельберг (Spiegelberg. Studien, стр. 58) рассматривал кенбет, о котором идет речь в этом тексте как „большой кенбет“ Фив, хотя он в нем так и не

Рис. 1. Суд. Из гробницы Меса.

сокровищницы и начальник закромов Менмаатранахт, 3) начальник царских дворецких Иниса, 4) опахалоносец фараона, начальник царских дворецких Памериамон и 5) писец фараона (не названный по имени)¹. Весь этот состав суда полностью упоминается также в папирусе Британского музея 10052² и частично (только три первых лица) в папирусе того же музея 10388³. Везир Хаэмус и верховный жрец Амона Аменхотеп — два лица, стоявшие во главе списка членов „большого кенбета Города“, приведенного в папирусе Аббот, являются судьями по двум другим документам, касающимся этого же процесса⁴. Во всех этих случаях не указано, членами какой судебной инстанции являются все называемые в них лица, однако нет сомнений, что имеется в виду именно „большой кенбет Города“. Это судилище заседало в Фивах, и в его состав, как мы видели, входили высшие светские и духовные сановники.

Однако, помимо „кенбета Города“ и „большого кенбета Города“, тексты Нового царства упоминают еще „большой кенбет“⁵. В одном случае мы имеем все основания утверждать, что под этим кенбетом кроется тот же „большой кенбет Города“. Речь идет об уже упоминавшейся передаче грабителей верховному жрецу Амона. Сам акт этой передачи, совершенной „великими серами большого кенбета Города“, озаглавлен: „День передачи грабителей... Аменхотепу, верховному жрецу Амона-Ра, царя богов, от большого кенбета“⁶. Следовательно, писец, составлявший данный акт, не видел разницы между „большим кенбетом“ и „большим кенбетом Города“. Но можно ли на этом основании под „большим кенбетом“ видеть во всех случаях именно фиванский кенбет? Думаю, что в делах, рассматривавшихся в Фивах, под „большим кенбетом“ всегда имеется в виду именно кенбет, возглавлявшийся визиром Верхнего Египта и находившийся в Фивах. Вероятно, правильно в „большом кенбете“, упоминаемом в различного рода неюридических текстах и надписях фиванского происхождения, видеть тот же центральный кенбет Фив. Однако такое понимание „большого кенбета“ в документах, происходящих из иных мест Египта, вряд ли всегда будет правильно.

назван. К сожалению, Шпигельберг не указал тех мотивов, которыми он руководствовался. К такому пониманию его побудили, вероятно, как общность рассматривавшегося в тексте дела с процессом, о котором идет речь в папирусе Аббот, так и то, что процесс, как это видно из ряда имеющихся в нем замечаний, происходил в Фивах.

Возможно, что „писец фараона“ — это еще один титул Памериамона, но возможно, что это — писец Несамонипет, фигурирующий как судья в ПБрМ 10052, 1, 19, хотя в перечне лиц, расследовавших дело, он и не значится.

¹ ПБрМ 10052, 1, 1—5.

² ПБрМ 10388, 1, 2—3.

³ ПБрМ 10053, лт. 1, 5; ПБрМ 10065, лт. 1, 6—7 и лт. 4.

⁴ ПБрМ 1086, 18; П. Леопольд II, 4, 1; Gardiner, Mes, текст N 5 и др.

⁵ П. Леопольд II, 4, 1.

Выше уже отмечалось, что в некоторые периоды Нового царства имелось два везира, обладавших одинаковыми полномочиями и управлявших один Верхним, а другой Нижним Египтом. При каждом из них был свой кенбет, которые и имеет очевидно, в виду Харемхеб, когда он говорит о назначении судей, сообщая о том, что он: „поместил их в обоих больших городах Верхнего и Нижнего Египта“¹. Под одним из этих городов имеются в виду Фивы, а под вторым, вероятно, Мемфис, где находилась столица Нижнего Египта и где была резиденция самого Харемхеба. И тот, и другой кенбет, как будет показано ниже, назывались „большой кенбет“.

Наличие двух центральных кенбетов Египта впервые было выявлено А. Гардинером на основании надписи Меса, излагающей длительную, ведшуюся несколькими поколениями тяжбу о разделе наследственного земельного участка. А. Гардинер, посвятивший этой надписи специальную работу, обратил внимание на то, что жалоба была подана везиру в Гелиополе и рассматривалась в „большом кенбете“. Это дало ему основание высказать предположение, что, во всяком случае в данное время, везир Нижнего Египта имел своей резиденцией Гелиополь, где и находился „большой кенбет“ этой части страны². Этого взгляда Гардинера (указавшего, что его вывод не соответствует установившемуся, по которому считалось, что везир Нижнего Египта заседал в Мемфисе) придерживался затем Пит³. Подтверждение своих взглядов Гардинер видит в сообщении Диодора о том, что три города имели значение при составлении центрального суда: Фивы, Гелиополь и Мемфис выдвигали по 10 судей, входивших в состав Фиванского судилища.

Соглашаясь с тем, что сообщение Диодора, возможно, и имеет под собой какую-то реальную почву⁴, не вижу, однако, достаточных оснований для того, чтобы усматривать в нем доказательство наличия „большого кенбета“ именно в Гелиополе. Ведь если даже считать рассказ Диодора правильным (хотя одна его деталь — избрание самим судилищем своего главы — противоречит хорошо известным фактам назначения везиров

¹ Указ Харемхеба, левая сторона, 4.

² Gardiner, Mes, стр. 33.

³ Peet, Tomb-robberies, стр. 18.

⁴ Весьма любопытно, что в „Поучении Аменемопе“, составленном, вероятно, не ранее чем при XXII династии, в главе, посвященной кенбету (судя по всему, речь идет о центральном кенбете), говорится о 30 серах (Поучение Аменемопе, XX, 18). Достоверность сообщения Диодора о количестве членов центрального суда подтверждается также „Указом Харемхеба“, сообщающим, к сожалению в сильно поврежденном контексте, о том, что: „тридцатка (действует) согласно своим предписаниям“ (левая сторона, строк. 6). В „тридцатке“, вне сомнений, следует видеть именно членов центрального кенбета. Равным образом и „тридцатка“, выступающая в ряде текстов как высшая судебная инстанция (см. Wb, II, 46, 16), но никогда не встречающаяся в деловых документах, есть также иное обозначение „большого кенбета“ (когда он объединен, как в П. Мook).

фараонами), то он не доказывает наличия в каждом из этих городов своего „большого кенбета“. Это может служить лишь доказательством того, что выдвинутый в начале Нового царства фиванским жречеством тезис о главенстве трех богов — Амона, Ра и Птаха, имевший своей целью поставить в один ряд с древнейшими божествами бога Амона, возвеличив тем самым могущество царя, покровителем которого тогда считался Амон, оказал воздействие и на подбор состава членов *кенбета*. Кроме того, если согласиться с А. Гардинером и допустить, что рассказ Диодора доказывает наличие „большого кенбета“ в Гелиополе, то мы должны на основании того же сообщения Диодора предположить наличие „большого кенбета“ и в Мемфисе, а это прямо противоречит надписи Меса, указывающей, что дело разбиралось и в „большом кенбете“, и в „кенбете Мемфиса“¹, не говоря уже о том, что это должно повлечь за собой предположение о наличии одновременно трех визиров, данных для чего нет.

Таким образом, единственным доказательством выдвинутого Гардинером предположения, что „большой кенбет“ Нижнего Египта находился в Гелиополе, является текст надписи Меса. Однако мне представляется, что понимание этого текста, предложенное Гардинером, может быть оспорено. Вот что говорит надпись: „И я пожаловался визиру в Ону (Гелиополь), и он направил меня (буквально: дал мне) судиться вместе с Небнеферт перед визиром в большом кенбете“². Следует ли из этого, что *кенбет*, о котором идет речь, находился в Гелиополе?

Мне кажется, что такой вывод совершенно не обязателен. Прежде всего вызывает недоумение, почему тяжущиеся были направлены визиром „судиться перед визиром в большом кенбете“. Ведь если бы „большой кенбет“ действительно находился тут же в Гелиополе, в тексте было бы сказано нечто вроде: „и он судил меня с Небнеферт в большом кенбете“. Поэтому такое сообщение надписи Меса, на мой взгляд, говорит только о том, что тяжущиеся, будучи недовольны решением суда, воспользовались проездом визира через Гелиополь для того, чтобы просить о пересмотре дела; визир, однако, направил его на рассмотрение в центральный *кенбет*. Факт же обращения к визиру в Гелиополе отнюдь не определяет того, что „большой кенбет“ находился в этом городе. Кроме того, из текста не вытекает, что спорное земельное владение подлежало юрисдикции визира Нижнего Египта, ибо точное местонахождение поселка Неши в надписи не указано. В пользу того, что он находился в Нижнем Египте, говорят два обстоятельства: то, что тяжба рассматривалась в *кенбете* Мемфиса, и то, что гробница Меса, в которой находилась надпись, излагающая все дело, была

устроена в некрополе Мемфиса — Саккара. Но некоторые обстоятельства склоняют меня к выводу, что процесс происходил в фиванском *кенбете*. Текст сообщает, что после того, как „большой кенбет“ признал притязания Небнеферт ложными, он направил в тот округ, где находилась спорная земля, своего представителя, жреца *убаб-кенит* Амонемипета³. Судя по его полномочиям (а он должен был совместно с *кенбетом* Мемфиса произвести раздел земли между сонаследниками), Амонемипет был членом „большого кенбета“. Это тем более вероятно, что один из предшественников Амонемипета по званию *убаб-кенит* Ини, также отводивший участки сторонам, судившимся по этому же делу в предшествовавшем поколении, в надписи Меса прямо назван членом „большого кенбета“⁴. Вместе с тем известно, что все святилища, носившие название „кениу“, находились в Фивах⁵, поэтому Амонемипет и Ини скорее всего были членами именно фиванского „большого кенбета“. Дальнейшее подтверждение того, что дело Меса подлежало юрисдикции „большого кенбета“ Верхнего Египта, дает папирус Вильбур: в нем упоминается поселок Неши, который А. Гардинер отождествляет с тем, где находились земли, являвшиеся объектом тяжбы Меса⁶. Поскольку все земли, перечисляемые в папирусе Вильбур, лежат в пределах Верхнего Египта, очевидно, и земля, на которую претендовал Мес, подлежала ведению *кенбета* этой части страны.

Впрочем, не исключена возможность, что дело Меса рассматривалось в обоих „больших кенбетах“ Египта. Ведь при разборе дела в „большом кенбете“, отождествляемом мной с фиванским, мать Меса потребовала проверки данных о земельных владениях, хранящихся в царской сокровищнице и управлении закромов. Суд с этим согласился, и тяжущиеся были направлены в Перрамсес — тогдашнюю столицу Египта: „нас направили на север, в Перрамсес“, — сообщает текст. После этого чиновники принесли „две описи к визиру в большой кенбет“⁵, и вот в этом-то *кенбете*, думается, следует видеть упоминание *кенбета* Нижнего Египта, находившегося, естественно, в столице страны.

При предлагаемом понимании указаний надписи Меса о разборе дела в „большом кенбете“ отпадает необходимость сделанного Гардинером предположения, как он сам указывал, противоречащего общепринятым взглядам, что „большой кенбет“ Нижнего Египта находился не в столице, а в Гелиополе. А между тем, о том, что „большой кенбет“ Нижнего Египта как раз во времена процесса Меса находился именно в Перрамсесе, можно узнать и из другого текста, который в этом отношении не был

¹ Gardiner. Mes, текст N 17.

² Gardiner. Mes, текст N 3 и S. 8—9.

³ Gardiner. Taxation, стр. 69.

⁴ Gardiner. Wilbour, т. II, стр. 32 и 178.

⁵ Gardiner. Mes, текст N 14—15.

² Gardiner. Mes, текст N 12—13. Ср. также строку N 5—6, где излагается то же обращение к визиру в Гелиополе, но в показаниях другой стороны.

учтен исследователями. Я имею в виду письмо на папирусе Болонского музея 1086¹. Оно написано неким писцом стола Бекенамоном, который по поручению своего отца (жившего, судя по его титулам, в Мемфисе) разыскивал беглых рабов храма Тота. Так как оказалось, что раба присвоил себе „глава докладчиков отряда воинов-шуаит“, Бекенамону пришлось обратиться по этому поводу в суд. „Я спорю с ним перед большим *кенбетом*“ — говорится в письме. Местонахождение этого „большого *кенбета*“ можно установить благодаря тому, что Бекенамон начинает свое послание традиционными благопожеланиями адресату. Он пишет: „Я молю Ра-Гора-Ахути, при его восходе и его заходе, Амона, Ра и Птаха из Рамсесмериамона, ж. з. б., и всех богов и богинь храма Рамсесмериамона, ж. з. б. „Велик дух Гора-Ахути“ — да будет тебе здоровье, да будет тебе жизнь, да будет тебе благополучие“². Это боги рамесидской столицы в Дельте — Перрамсеса, где, естественно, и находился „большой *кенбет*“ визира Нижнего Египта.

Так как в письмах Нового царства такие благопожелания всегда упоминают либо имена богов родного города (а для Бекенамона таким был Мемфис), либо название той местности, в которой он в данное время находится, то можно утверждать, что „большой *кенбет*“, в котором Бекенамон судился, был в тогдашней столице — Перрамсесе.

Скудость данных о „большом *кенбете*“ Нижнего Египта не дает возможности судить о его составе: можно лишь ограничиться предположением что, подобно „большому фиванскому *кенбету*“, в него входили, помимо визира, высшие гражданские и духовные чины Нижнего Египта.

Таким образом, в те периоды Нового царства, когда в стране имелись два визира, существовало два „больших *кенбета*“, один из которых, верхнеегипетский, находился в Фивах, а другой, нижнеегипетский, находился сначала в Мемфисе, а затем в Перрамсесе. Каждый из них мог именоваться „большой *кенбет*“, и определение того, какой именно из них имеется в виду, когда текст ограничивается простым указанием „большой *кенбет*“, следует делать в зависимости от всех данных документа и обстоятельств разбираемого в суде дела.

Для завершения характеристики центрального *кенбета* следует отметить, что в одном случае нам известно дело, которое разбиралось в присутствии обоих визиров³. Это процесс относительно взимания податей с храма Гатор в Гебелене. Так как начало текста отсутствует, да и сохранившаяся его часть сильно повреждена, трудно установить причины, по которым это дело разбиралось таким именно составом суда, и как назывался данный *кенбет*.

¹ W. Wolf, Papyrus Bologna 1086, AZ, 65, 1930, стр. 98 сл.

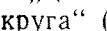
² ПБолМ 1086, 3—5.

³ П. Мook, II, 6—9.

Не удается установить и кем являлся каждый из членов этого судилища, заседавшего в Фивах, но те данные, которые сохранились в документе, позволяют предположить, что состав суда был смешанным. Об этом говорит не только наличие двух визиров, но и двух заместителей (визиров?), двух штандартоносцев и других лиц, имеющих либо ярко выраженные фиванские имена, либо явно нижнеегипетские звания (например, воин судна, называвшегося „Звезда Мемфиса“).

Так как это пока единственное известное дело, разбиравшееся на совместном заседании обоих *кенбетов* страны, выяснить, какого рода вопросы подлежали рассмотрению объединенного заседания *кенбетов*, кем они созывались и как конструировались, не представляется возможным. Однако, можно думать, что совместные заседания „больших *кенбетов*“ имели место не так уж редко. Основание для такого предположения дают сцены, на которых, как мне кажется, изображен состав обоих *кенбетов*. Мы видим членов *кенбета* возглавляющими погребальное шествие на одном из рельефов Берлинского музея, происходящем из гробницы Неферренпета (времени Рамсеса II) из Мемфиса¹. Как показывают титулы идущих лиц, мы видим здесь обоих визиров, двух царских писцов (один из них начальник дома, другой казначей), двух начальников войск², начальника складов, начальника канцелярии, начальника сокровищницы, двух верховых жрецов храмов Ра и Птаха и князя, вероятно, Мемфиса. На другом рельефе, принадлежащем Каирскому музею, датируемом, по-видимому, тоже временем XIX династии и происходящем из Асасифа, но на котором, к сожалению, нет никаких надписей, мы видим во главе шествия двух лиц в характерных одеяниях визиров. Это, по-видимому, тоже члены *кенбета*, принимающие участие в каком-то шествии. Если оба визира и высшие сановники страны собирались вместе для того, чтобы почтить погребение или (как во втором случае) какое-то праздничное шествие, то тем более не должна нас удивить возможность встречи всех этих лиц для разбора важнейших тяжб.

Кенбеты округов и городов

„Кенбеты округов“ или, точнее, „принадлежащие к *кенбету* округа“ () упоминаются уже в надписях и документах Среднего царства. О существовании „*кенбета* округа“ во времена XII династии говорит звание отца женщины, дети которой производят раздел имущества: он занимал должность

¹ E gyp t a n. Aus dem Grabe, стр. 18 сл. См. также: S p i e g e l b e r g. Die Datierung der Berliner „Trauerreliefs“, AZ, т. 60, 1930, стр. 56 сл.

² Один из начальников войск, который титулуется, кроме того, „царский писец, наследный князь“, изображен перед визирами: это, вероятно, наследник престола — думает Эрман (E gyp t a n, Aus dem Grabe, стр. 20).

„принадлежащего к филю *кенбета* округа“¹. Звание „члена *кенбета*“ (буквально: „принадлежащего к *кенбету*“) округа“ встречается в двух Иллахунских папирусах Берлинского музея. В первом случае это звание адресата наброска письма², а во втором — его носит отправитель другого, еще неизданного письма³. Это же звание носит лицо, копия заявления которого приводится в обрывке документа, датированного 36-м годом (Аменемхета III?)⁴. Таким же „*кенбетом* округа“ был, вероятно, тот, имена членов которого пожелал увековечить на стенах своей гробницы современник фараона Сенусерта II — Хнумхотеп II, номарх Антилопьего нома⁵. Вероятно, также о „*кенбете* округа“ идет речь в надписи Тефиба, Сиутского номарха, времени, предшествовавшего Среднему царству, в которой он говорит о том, что его сын вступил в состав *кенбета*, будучи еще в пеленках⁶. Судя по титулу „писец *кенбета* округа“, высеченному на курильнице, этот орган существовал и при XIII династии⁷. Но во всех этих случаях у нас нет никаких данных, говорящих о том, что „*кенбет* округа“ выполнял судебные функции.

Во времена Нового царства члены „*кенбетов* округа“ упоминаются столь же редко. Об этом органе дважды говорится в „должностной инструкции везири“, причем в обоих случаях речь идет не о судебных, а об административно-хозяйственных обязанностях членов „*кенбета* округа“⁸. „Члены *кенбетов* округов“ дважды упомянуты в заголовке сцен приношения податей различными чиновниками⁹, и три „*кенбета* округа“ упоминаются в надписях к самим сценам поднесения везири податей различными чиновниками областей юга: среди них названы „члены *кенбетов* округов“ Гермонтиса, Коптоса и Дендера¹⁰. Следовательно, источники времени Нового царства также умалчивают о судебных функциях „*кенбета* округа“. Все это ставит под сомнение отнесение „*кенбетов* округов“ к числу судебных органов, которое было еще в свое время сделано Шпигельбергом¹¹, а недавно поддержано Зайдлем¹², и вынуждает меня при-

¹ F. L. Griffith. Hieratic papyri from Qahun and Gurob, London, 1898, табл. XI, 22.

² ПБМ 10021, 2а; см. A. A. Scharff, Briefe aus Illahun, ÄZ, 59, 1924, стр. 20 сл.

³ ПБМ 10032, А; см. Scharff, Briefe, стр. 20 сл.

⁴ ПБРукM 35, 1446, rt, вставка А, 2; см. Hayes. Papyrus, табл. IV.

⁵ Urk. VII, 26, 3.

⁶ H. Brünniger. Die Texte aus der Gräber der Hierakleopolitenzeit von Siut, Glückstadt, 1937, стр. 44 (гробн. III, стрк. 13).

⁷ W. Spiegelberg, Ein Rächeraltar des mittleren Reiches, ÄZ, 65, 1930, стр. 49 сл.

⁸ Urk. IV, 1111, 3 и 1113, 4.

⁹ Urk. IV, 1120, 1 и 1129, 1.

¹⁰ Urk. IV, 1127, 8; 1132, 17 и 1133, 5.

¹¹ Spiegelberg, Studien, стр. 54—56.

¹² Seidl, Einführung, стр. 32. Впрочем, это связано, вероятно, с тем, что он, на мой взгляд ошибочно, считает „*кенбетами* округов“ те, которые в действительности являются храмовыми *кенбетами*.

соединиться к мнению составителей Словаря древнеегипетского языка, отмечающих, что knb. tj — это чиновники какого-то управления, но не судьи¹.

Столь же редко, как „*кенбеты* округов“, упоминаются в источниках Нового царства *кенбеты* отдельных поселений. Из числа таких *кенбетов* мне известно существование *кенбетов* Элефантини², Омбоса³, Нехена⁴, Эсне⁵, Абидоса⁶ и Сиута⁷, причем все эти *кенбеты* указаны в одном и том же источнике — в надписях гробницы Рехмира, сопровождающих изображения чиновников, приносящих везири свои подати. Сказать что-либо о деятельности этих „*кенбетов* поселений“ на основании имеющегося источника, разумеется, невозможно.

Однако судебная деятельность *кенбета* Мемфиса выявляется вполне отчетливо. В уже упоминавшейся надписи Меса говорится о том, что вопрос о принадлежности спорной земли рассматривался в *кенбетах* „Мемфиса“ и „Большом“⁸. Сведений, сообщаемых этой надписью, мало для того, чтобы полностью охарактеризовать деятельность „Мемфисского *кенбета*“, однако кое-что извлечь из нее можно. Прежде всего ясно, что этот *кенбет* мог разбирать дела имущественного порядка. Столь же ясно, что „*кенбет* Мемфиса“ был низшим по отношению к „большому *кенбету*“. Это вытекает не только из того обстоятельства, что стороны, будучи недовольны состоявшимся решением, обратились к „большому *кенбету*“, который, следовательно, был правомочен пересматривать дела, уже рассмотренные „Мемфисским *кенбетом*“, но и из решения „большого *кенбета*“, пославшего одного из своих членов для раздела земли между наследниками на месте и обязавшего участвовать в этом „Мемфисский *кенбет“⁹.*

К числу „местных *кенбетов“* некоторые ученые относят также „*кенбет* фиванского некрополя“¹⁰. Насколько мне известно, он назван так только в одном документе — акте, регистрирующем уплату ремесленником Хнуммесом долга, установленного по суду¹¹. Этого одного документа, разумеется, было бы недостаточно для того, чтобы выяснить, что представлял собой „*кенбет* некрополя“. Но благодаря ему представляется возможным отнести к тому же судилищу и другие документы. Так как этот текст нанесен на остраконе, который был найден в Фиванском

¹ Wb, т. V, стр. 54, под словом knb. tj.

² Urk. IV, 1125, 7.

³ Urk. IV, 1125, 15.

⁴ Urk. IV, 1126, 14.

⁵ Urk. IV, 1127, 2.

⁶ Urk. IV, 1136, 2.

⁷ Urk. IV, 1135, 11.

⁸ Gardiner, Mes, текст N 5.

⁹ Gardiner, Mes, текст N 17.

¹⁰ См., например, Gabra. Conseils, стр. 22 и Seidl. Einführung, стр. 32.

¹¹ OKM 2553.

некрополе, то невольно возникает мысль о возможности обнаружить на происходящих оттуда же других правовых документах иные записи, также относящиеся к „кенбету некрополя“. Ведь, как я указывал выше, писцы, составлявшие документы, далеко не всегда отмечали название *кенбета* полностью.

Упоминаемый в указанном остраконе, датируемом 12-м годом Рамсеса III, „кенбет некрополя“ состоял из начальника отряда ремесленников Хай, начальника отряда ремесленников Нахтеммута и писца Пасара. Этот состав суда целиком больше не встречается ни в одном из известных мне документов, но отдельные его члены как члены *кенбета* значатся в других документах. Так, начальник отряда ремесленников Нахтеммут назван в числе лиц, по решению которых в 4-м году Рамсеса IV ремесленнику Хай было присуждено право пользования дорогой¹. В том же году начальник отряда ремесленников Нахтеммут, очевидно как член суда (см. ниже, стр. 89), был одним из свидетелей, присутствовавших при решении оракула, разрешившего тяжбу о праве собственности на гробницу² и о праве владения ослом³. Тот же Нахтеммут был, по-видимому, председателем суда, когда рассматривался вопрос о разделе имущества горожанки Ниутнахти в 3-м году Рамсеса V⁴. Начальник отряда ремесленников Хай как член *кенбета* был свидетелем оракула, решившего в 14-м году царствования Рамсеса III тяжбу о праве собственности на дорогу⁵, а писец Пасар упомянут в черновике судебного протокола, датируемого временем XX династии⁶. Наличие во всех приведенных мною случаях среди членов суда лиц, относительно которых достоверно известно, что они были членами „кенбета некрополя“, дает основание видеть в остальных членах судилищ, перечисленных в тех же документах, также членов некропольского *кенбета*. Это предположение подтверждается как званиями этих лиц, так и упоминанием их в многочисленных хозяйственных документах, касающихся фиванского некрополя. Тем самым становится достоверным отнесение к тому же *кенбету* фиванского некрополя всех остальных правовых документов, где фигурируют те же лица. Поэтому, хотя „кенбет некрополя“ и назван только в одном случае, для суждения о нем мы располагаем довольно большим количеством данных: исходя из приведенных выше оснований я отношу к нему остраконы Каирского музея 25553, 25555 и 25556; остраконы из Дейр-эль Мединэ 59, 73 *rt.*, 133, 225 и 235; остраконы Британского музея 2625 и Берлинского музея 10655; папирус того же

¹ ОКМ 25555.

² ОБрМ 5625.

³ ОДМ 133.

⁴ См. ч. II, документ 66.

⁵ ОКМ 25555.

⁶ ОДМ 225.

музея 10496; остракон Бодлеанской библиотеки 253; остракон Питри 21; остракон Гардинера 4 и сильно поврежденный папирус Туринского музея, изданный у Плейта и Росси, табл. 40, а также все документы, связанные с завещанием Ниутнахти. Это дает достаточные возможности как для характеристики состава „кенбета некрополя“, так и для суждения о его компетенции.

Число членов „кенбета некрополя“, присутствовавших при рассмотрении различных дел, неодинаково: оно колеблется от одного до четырнадцати¹. Это объясняется как причинами общего порядка (о них я говорю ниже, см. стр. 41), так и характером рассматривавшихся вопросов: при разборе тяжб присутствовало не меньше двух членов *кенбета* и лишь при регистрации различных правовых актов было достаточным присутствие только одного члена суда².

Сопоставление близких по времени документов показывает, что в состав „кенбета некрополя“ могли одновременно входить оба начальника отряда ремесленников, два писца, два начальника *маджэев*, два квартальных (*w^g.tw*), два привратника, заместитель (*idnw*) (начальника отряда ремесленников?), художник и некоторые из ремесленников, т. е. в основном лица, составлявшие администрацию некрополя. Разбирая состав *кенбета*, рассматривавшего обвинение в хуле на фараона³, Я. Черный пришел к заключению, что он состоял из равного числа представителей обоих отрядов ремесленников некрополя, так называемых отрядов „левой“ и „правой“ сторон⁴. В настоящее время этот вывод может быть подтвержден новым материалом. В первом документе, касающемся завещания Ниутнахти, *кенбет*, в присутствии которого регистрировалось завещание, состоял из двух начальников отрядов ремесленников, двух писцов некрополя, двух художников, двух квартальных и шести ремесленников. И здесь, следовательно, „кенбет некрополя“ был сконструирован из равного числа представителей обоих отрядов некрополя, что, надо думать, было для этого *кенбета* нормальным явлением.

Мы, к сожалению, не располагаем данными о том, кто назначал членов „кенбета некрополя“. Можно лишь высказать предположение, что это делалось визиром, поскольку именно от него зависело назначение на должность начальника отряда ремесленников⁵. Вхождение в состав *кенбета* было сопряжено,

¹ Надо учесть, что почти все относящиеся к „кенбету некрополя“ документы представляют собой запись на остраконах, т. е., вероятно, черновики подлинных документов, которые должны были быть затем переписаны на папирус для депонирования в архив. Поэтому, возможно, писец записывал и не всех членов суда, полагаясь на свою память.

² ОДМ 56 и 73 *rt.*, а также ОДМ 59, хотя в данном случае возможно, что имена остальных членов *кенбета* стерлись.

³ ОКМ 25556.

⁴ J. Černý, Quelques ostraca hiératiques inédits de Thèbes, Ann. du Service, т. 37, 1927, стр. 204.

⁵ См. ПБрМ 10055, *rt.* 1, 3—4.

вероятно, с выполнением определенных обязанностей в некрополе.

Председательствовал в „кенбете некрополя“ кто-либо из обоих начальников отрядов. Так, в 5-й день третьего месяца *ахет* в 3-м году Рамсеса V в заседании суда председательствовал Нахтеммут — начальник отряда правой стороны¹, а в 17-й день третьего месяца *ахет* 4-го года (Рамсеса V) первым в составе суда назван Инхерхау — начальник отряда левой стороны, хотя Нахтеммут и тогда был членом суда². В качестве члена суда Нахтеммут присутствовал и в другом случае³, хотя в 10-й день первого месяца *перет* в 4-м году неизвестного царя в составе суда участвуют опять эти оба начальника отрядов, причем вновь председательствует Нахтеммут⁴. По-видимому, существовала какая-то очередность в председательствовании в „кенбете некрополя“, но установить ее последовательность мешает скучность материала.

Из перечня лиц, бывших членами „кенбета некрополя“, явствует, что все они входили в состав некропольского персонала. Что этот последний находился на особом положении, было отмечено Я. Черным, много сделавшим для изучения положения персонала фиванского некрополя. Он, в частности, установил, что персонал некрополя во времена XIX—XX династий представлял нечто вроде религиозного братства⁵. Поэтому „кенбет некрополя“, мне кажется, нельзя рассматривать как одну из категорий светского суда, а следует отнести к разряду клерикального. Такое предположение вполне соответствует выводам, к которым пришел Лефевр, утверждающий, что фиванский некрополь составлял часть владений храма Амона⁶; а вместе с тем объясняет и столь необычную для египетского суда демократичность его состава. Поэтому дальнейший разбор того, что дает для понимания организации египетского суда материал, касающийся „кенбета некрополя“, и, в частности вопрос о компетенции этого судилища, см. в разделе, посвященном клерикальному суду.

Таким образом, оказывается, что вопреки не раз высказывавшимся взглядам ни один источник не дает оснований к тому, чтобы говорить о судебных функциях „кенбетов округов“. Точно так же источники крайне скромно освещают деятельность *кенбетов* различных городов, вследствие чего невозможно решить,

были ли судебные функции „Мемфисского кенбета“ каким-то исключением, связанным с особым положением города как древней столицы страны, или таковы были права обычного городского кенбета. Хотя я склоняюсь к последнему мнению, доказать его известные ныне данные не позволяют.

„Кенбет седжемиу¹“

Термин „кенбет седжемиу“ — „кенбет слушающих“ долгое время понимался неправильно. Достаточно сказать, что В. Шпигельберг, так много сделавший для изучения египетского права, одно время считал это двумя совершенно независимыми друг от друга словами². Лишь через несколько лет эта ошибка была им исправлена в специальной заметке, в которой он установил, что это выражение следует переводить: „суд слушающих“³. Присоединение выражения „седжемиу“ к термину „кенбет“ указывает, по его мнению, на высокое положение членов этого судилища⁴.

Новую точку зрения по этому поводу высказал Я. Черный: он считал, что „кенбет седжемиу“ — это, „по-видимому, институт, перед которым только излагали жалобы и который проводил следствия“⁵.

С. Габра, последний автор затрагивавший этот вопрос, хотя и не счел возможным полностью разделить точку зрения Черного, все же видит в „кенбете седжемиу“ какую-то локальную разновидность суда, с меньшими правами, чем „кенбет Го-рода“⁶.

Наличие разноречивых мнений по этому вопросу вынуждает меня подвергнуть его рассмотрению.

В дошедших до нас процессуальных документах „кенбет седжемиу“ фигурирует как инстанция, разбирающая: спор о праве владения землей⁷, спор о праве владения гробницей⁸, дело о взыскании податей с храма⁹, процесс о признании долга¹⁰ и спор об оплате выполненного заказа¹¹. Это же

¹ Моя основные выводы относительно „кенбета седжемиу“ были опубликованы под названием: A Note on Egyptian Law-Courts, JEA, т. 17, 1931, стр. 62 сл. В настоящее время они являются общепринятыми. См., например, Seidl, Einführung, стр. 32—33.

² Spiegelberg, Studien, стр. 45 и 95.

³ W. Spiegelberg, Die knbt sdmjw und der Titel „Richter“, Rec. de Trav., т. XXVIII, 1906, стр. 170 сл.

⁴ Там же, стр. 171.

⁵ Сегпү. Quelques ostraca, стр. 204; Сегпү. Culte, стр. 181.

⁶ Gabra, Conseils, стр. 23.

⁷ Gardiner, Mes.

⁸ ПБМ 10496.

⁹ Г. Мook.

¹⁰ ПКМ 65739.

¹¹ ОДМ 225.

¹ Завещание Ниутнахти; см. ч. II, документ 66, 1, 6.

² Завещание Ниутнахти; см. ч. II, документ 66, 6, 1.

³ ОКМ 25553.

⁴ ОДМ 133.

⁵ Сегпү. Culte, стр. 159 сл. и L'identité des serviteurs dans „la Place de Vérité“ et les ouvriers de la nécropole, Revue de l'Egypte ancienne, т. II, 1929, стр. 200 сл.

⁶ G. Lefebvre, Histoire des Grands Prêtres d'Amon de Karnak, Paris, 1929, стр. 18, прим. 7.

наименование в нескольких случаях применяется и к храмовому суду¹.

Некоторые из перечисленных дел, как например, процесс о праве владения землей или дело о взыскании податей с храма, безусловно представляют важные процессы, и, кроме того, по ним были вынесены приговоры, поэтому, несмотря на малочисленность документов, где суд назван „кенбет седжемиу“, можно утверждать, что это отнюдь не суд, призванный рассматривать лишь маловажные дела и вовсе не только следственный орган.

Состав членов „кенбета седжемиу“ также не дает оснований для того, чтобы видеть в нем какое-то низшее судебное установление. В качестве его членов мы видим:

В надписи Меса: „Начальник города, везир колесниц, начальник воинов (*шуайт*) Ииа, начальник лучников Хеви, царский посланец Раэнри, царский посланец Амонмес, писец писец мес“².

В папирусе Моок: „Везир Птаххотеп, везир Хапи, заместитель Пасар, заместитель Патуэнра, начальник штандартоносец Шаи, штандартоносец Хаэмус...“³.

В папирусе Берлинского музея 10496: „Начальник отряда ремесленников Хонсу, начальник отряда ремесленников Инхерхау, писец везира Амоннахту, ремесленник Хесисунебеф, заместитель Амонха“⁴.

В том же тексте: „Начальник отряда ремесленников Хонсу, начальник отряда ремесленников Ха, писец Амоннахту, квартальный (w'r. t.) Неферхотеп“⁵.

В папирусе Гуроб II, 1: „Жрец Чай, жрец Хай, жрец-убаб Хау, жрец-убаб Пауах, жрец-убаб Ра“⁶.

Из приведенных примеров видно, что по своему социальному положению члены „кенбета седжемиу“ не являются однородной группой: в их числе могут быть и везир, и жрец, и некропольский ремесленник. Такой состав „кенбета седжемиу“ совпадает с тем, который бывает у всех известных нам категорий *кенбетов*. Это сходство особенно заметно при сопоставлении, например, состава суда в надписи Меса и папирусе Аббот, в папирусе Берлинского музея 10496 и остраконе Каирского музея 25553.

Таким образом, и в отношении важности разбираемых дел, и в отношении личного состава „кенбета седжемиу“ нельзя найти каких-либо особенностей, присущих только данной категории *кенбета*. И такой особенности нет вообще. В самом деле,

¹ ПБМ 9785; П. Гуроб II и ПБМ 3047. См. Египт. Beiträge zur Kenntnis des ägyptischen Gerichtsverfahren, AZ, т. 17, 1879, стр. 71 сл.

² Gardiner, Mes, текст S. 6—8.

³ П. Моок, 6 сл. Звания остальных членов суда не сохранились.

⁴ ПБМ 10496, гл. 8—10.

⁵ ПБМ 10496, гл. 14—15.

⁶ П. Гуроб II, I, 10—11. См. также состав суда в ПБМ 9785, ПКМ 65739, ОДМ 225 и ПЭМ 5597 (не опубликован).

если обратиться к тем же текстам, которыми я до сих пор пользовался, то окажется, что в некоторых из них один и тот же суд называется по-разному. Так, в ПБМ 10496, гл. 8 судилище названо „кенбет седжемиу“, а несколькими строками ниже, где речь идет о клятве, к которой привели обвинителя, та же палата названа просто *кенбет*¹. В ПКМ 65739 в трех случаях² суд назван „кенбет седжемиу“, а в одном просто *кенбет*³. В надписи Меса после перечисления членов „кенбета седжемиу“ сообщается, что суд происходил перед „кенбетом этого дня“⁴.

Все эти данные, равно как и то, что „кенбетом седжемиу“ может называться храмовой суд⁵, позволяют утверждать, что за этим термином не кроется какая-то особая категория суда. Однако все это не объясняет появление термина „седжемиу“. Оно станет понятным лишь тогда, когда мы учтем характер самого *кенбета*.

Общепринятый перевод понятия *кенбета* — „суд“, хотя и соответствует той роли, которую играет *кенбет* в правовых документах, однако по сути дела является неточным. Такой перевод невольно создает впечатление, что *кенбет* являлся институтом, сходным с тем, который существует теперь и единственная функция которого — отправление судопроизводства. Именно от этого ложного впечатления, созданного неточным переводом, и происходит непонимание значения слова „седжемиу“. На самом же деле обязанности *кенбета* отнюдь не ограничивались судебными функциями.

Так, члены *кенбета* выполняли обязанности придворных: „вышли они (т. е. члены *кенбета*) тогда, когда спросили о здоровье (фараона), согласно своему ежедневному обыкновению“, — говорится в одном из поучений⁶. *Кенбет* также наблюдал за сбором и передачей по назначению податей⁷ и за состоянием сети оросительных каналов⁸ — основы благополучия сельского хозяйства.

Таким образом, роль *кенбета* значительно шире, чем роль суда, и судебные функции были только частью тех многочисленных обязанностей, которые лежали на *кенбете*. Именно поэтому термин „кенбет“ нельзя переводить как „суд“, — правилен перевод „палата“, „совет“. Именно так, вероятно, воспринимали его египетские писцы, и, добавляя к нему выражение „седжемиу“⁹,

¹ ПБМ 10496, гл. 12.

² ПКМ 65739, стрк. 15, 19 и 28.

³ ПКМ 65739, стрк. 19.

⁴ Gardiner, Mes, текст S. 8.

⁵ См. выше, стр. 40 прим. 1.

⁶ ПЭМ 1116 B, гл. 2—3.

⁷ Urk. IV, 1125, 7; 1125, 15; 1126, 4; ср. также Urk. IV, 1111, 3—5.

⁸ Urk. IV, 1113, 4.

⁹ Само слово *sdmjw* имеет также значение „судья“; см. замечания А. Гардинера, приведенные в уже цитированной заметке Spiegelberg. Die knbt *sdmjw* und der Titel „Richter“, Rec. de Trav., т. 28, стр. 171—173.

хотели подчеркнуть, что в данном случае имеется в виду не просто „палата“, а „палата слушающих“, т. е. суд.

При таком понимании термина „кенбет седжемиу“ отпадает необходимость искать в нем суд, наделенный большими или меньшими правами, чем какой-либо другой. В термине „кенбет седжемиу“ следует видеть только правильное обозначение палаты, занятой выполнением своих судебных функций, — в каждом конкретном случае под „кенбетом седжемиу“ может крыться либо центральный, либо городской (например, Мемфисский), либо храмовой кенбет. Определить это можно только, исходя из характера всего текста, или же, если он указан, — из перечня членов кенбета¹. Таким образом, „кенбет седжемиу“ не является какой-либо особой категорией суда.

Рассмотрение всего известного нам материала, касающегося различных категорий *кейбетов*, позволяет мне сделать вывод, что во времена Нового царства судебными функциями, помимо центрального *кенбета* (или центральных — в те периоды, когда существовало два визира), равно как храмовых органов суда, обладали предположительно только „кенбеты городов“ (имеющиеся фактические данные говорят только о *кенбете* Мемфиса).

§ 4. ДЖАДЖАТ

Другим судебным органом, изредка упоминаемым в текстах Нового царства, является ⲥ ⲩ ⲩ Ⲫ, „джаджат“.

В чем разница между *кенбетом* и *джаджатом*? Прежде всего она состоит в том, что во времена Нового царства *джаджат* ни разу не встречается в подлинных юридических или деловых текстах², и, следовательно, в реальной жизни он не существовал. В этот период *джаджат* как судебный трибунал называется только религиозными или биографическими текстами. Так, в гимне Осирису на заупокойной стеле³ мы читаем: „Собралось судилище (*джаджат*) истины, девятерица богов и владыка всего; все справедливые соединены там; отражающие неправду собрались во дворце Геба, чтобы отдать должность владыке ее, царство тому, кому надлежит отдать его“; и дальше — „Присуждена ему должность отца его, во дворце Геба: сказал Ра, записал Тот, подтвердил судилище (*джаджат*)“.

Часто встречается упоминание *джаджата* и в „Книге мертвых“⁴. Иногда он упоминается и в обращениях к посетителям

¹ Исходя из этих данных, под „кенбетом седжемиу“ в папирусе Моок и в надписи Меса я разумею „центральный кенбет“, в ПБМ 10496 и Туринском (W. Pleyn et Rossi, Papyrus de Turin, Leiden, 1869—1876, табл. 40) — некропольский, а в ПБМ 3047, П. Гуроб II, 1 и 2 и ПЭМ 5597 — храмовой.

² К таким же выводам пришел Gabra, Conseils..., стр. 36.

³ Луврская стела С-286, строк. 17—18 и 24—25. См. A. Moret. La légende d'Osiris à l'époque thébaïne d'après l'hymne à Osiris du Louvre, BIFAO, т. XXX, 1931, стр. 725 сл.

⁴ Urk. V, 108, 6—7; 101, 15; 102, 6 и др.

гробниц. Примером этому может служить хотя бы надпись на памятной плите Небамона (времени Тутмеса III): „О *все* живущие, сущие на земле *серы*, люди (*rmt*), жрецы, жрецы-убы, *херихебы*, члены *джаджата* Карнака“¹. Но такие обращения восходят к хорошо известным образцам Древнего царства, которые они повторяют с незначительными видоизменениями².

Несколько раз *джаджат* упоминается также в „инструкции визиру“³, однако и этот текст, как указывалось выше (см. стр. 17), восходит к древним оригиналам.

Наличие термина *джаджат* в ряде текстов, датируемых временем Нового царства, свидетельствует все же о том, что прежде такой орган в действительности выполнял функции судилища. Его наличие в Древнем царстве можно проследить на ряде примеров. Так, контракт о продаже дома был „припечатан печатью перед *джаджатом* поселения пирамиды Ахетхуфу“⁴. Перед тем же органом зафиксировано дарение земли: „[Закреплено в письме перед] *джаджатом*, припечатано печатью, засвидетельствовано [многими руками]“⁵. В те же времена *джаджат* нередко упоминается в титулatureх различных чиновников⁶. Нередко упоминается *джаджат* и во времена Среднего царства. У. Хьюз, касавшийся деятельности этого органа в связи с изданным им перечнем лиц, числившихся за главной фиванской тюрьмой в конце XII — начале XIII династий, указывает, что, начиная с ранних периодов Древнего царства, *джаджат* часто выступает в качестве судилища, выполняя эти функции до начала Нового царства⁷.

Так же как и *кенбет*, *джаджат* является не только судебным органом. Так, мы видим *джаджат* занятым сбором податей⁸. Во времена Среднего царства *джаджатом* назывался совет при начальнике экспедиции, посланной на Синайский полуостров⁹. *Джаджат*, следовательно, не только судебный, но и административный орган и в этом отношении имеет много общего с *кенбетом*. Это сходство обоих институтов станет еще большим, если мы учтем, что члены *джаджата*, так же как и члены *кенбета*, назывались *серами*: „Это Тот, это Анубис — сер *джаджата*“, — говорится в „Текстах пирамид“ (§ 1713).

Сходство между *джаджатом* и *кенбетом* отмечалось уже раньше, последним его касался Хьюз, который предполагает,

¹ Urk. IV, 151, 11—13. Ср. Urk. IV, 508, 15—509, 3.

² См., например, Urk. I, 119, 3—5 и др.

³ Urk. IV, 1114, 13—15 и др.

⁴ Urk. I, 158, 4.

⁵ Urk. I, 294, 2—3.

⁶ Urk. I, 47; A. Mariette. Les mastabas de l'ancien empire, Paris, 1884—1885, стр. 109—110 и др.

⁷ Hayes. Papyrus, стр. 140.

⁸ Mariette. Mastabas, стр. 145, 256; LD, II, 64a; см. также Gabra. Conseils, стр. 34.

⁹ Wb. V, 529, 2.

что в своей основе оба органа имели административные функции. Разница между ними, по его мнению, состоит в том, что до Нового царства деятельность *кенбета* носила чисто административный характер¹. Факты, однако, свидетельствуют об ошибочности взглядов Хьюза, и можно привести несколько примеров, говорящих о том, что и до Нового царства *кенбет* выполнял наряду с иными обязанностями судебные функции. Так, Нехри, глава Верхнего Египта во времена, предшествовавшие XII династии, пишет, что он „давал обоим (противникам) выходить умиротворенными из суда *кенбета*“². Как судебный орган трактуется *кенбет* и в одной фрагментированной надписи некоего Хети, датируемой временем XII династии: „Если сын человека делает это (т. е. все злодеяния, которые, как утверждает надпись, Хети никогда не совершил)³, его отец покинет его в *кенбете*. Я не отнимал имущества от наследника, я чист от обвинений перед *кенбетом*“⁴. Таким образом, попытка усмотреть разницу между *кенбетом* и *джаджатом* во времена Среднего царства в функциях обоих органов оказывается неубедительной, вследствие чего вопрос о том, почему палаты, выполнившие одинаковые функции, носят разные названия, остается по-прежнему не решенным. Ведь трудно согласиться с С. Габра⁵ и по его примеру искать объяснение этому явлению в том, что применение термина *джаджат* к совету богов сделало неудобным употребление этого же слова для земной жизни. Замена *джаджата* *кенбетом* является следствием более глубоких причин.

Уже Габра, обратив внимание на древнейший детерминатив слова *джаджат* в виде круга, пришел к заключению, что в своей первоначальной основе *джаджат* являлся советом, возглавлявшим племя в те времена, когда еще не было ни царя, ни князей⁶. Этот совет собирался в кругу, составленном из вертикально установленных каменных плит, в кромлехе, наличие которого, отмечает Габра, засвидетельствовано и для Египта⁷. Этим *джаджат* очень сильно напоминает описание суда древней Греции: „...а старцы градские молча на тесаных камнях сидят средь священного круга“⁸.

¹ Hayes. Papyrus, стр. 140.

² Antes. Felsinschriften, надпись 20, 18.

³ Характер утверждений дает, как мне кажется, основание предположить, что текст этой части надписи может служить примером одного из ранних вариантов так называемой отрицательной исповеди, впоследствии вошедшей в Книгу Мертвых.

⁴ W. Fl. Petrie. Abydos, part III, London, 1904, табл. XXIX, 1, 13—14.

⁵ См. Gabra, Conseils, стр. 38.

⁶ Gabra. Conseils, стр. 18.

⁷ P. Bovier-Lapergue. La nouvelle station néolithique au nord d'Hélouan, Compte rendu du Congrès international de Géographie, Le Caire, 1925, т. IV, стр. 278.

⁸ Илиада, 504—505, перев. Гнедича.

Это прошлое *джаджата*, как мне кажется, не было еще забыто во времена Древнего царства. Именно поэтому тогда *серы*, т. е. члены *джаджата*, в известной мере противостояли представителям царской власти¹. Совершенно естественно, что такое положение побуждало царскую власть бороться с этими пережитками прошлого. Отражение этого мы находим, например, в царском декрете о назначении Шемай начальником юга: „Если какой-либо *сер*, какой-либо обладающий печатью воспротивится этому приказу, мое величество не позволит оставаться им в каком-либо месте, находящимся под твоим главенством“².

Таким образом, в *джаджате* следует видеть орган, в котором сохранились еще во времена Древнего царства некоторые пережитки родовой организации общества, сказывающиеся в известной его независимости от царской власти. Не то мы имеем в *кенбете*. В приводившихся выше списках его членов можно заметить весьма различных по важности занимаемого положения лиц: среди них есть и визиры, и мелкие чиновники, однако между ними есть одно общее — все они на службе фараона и от него зависят. И то, что *кенбет* был чиновничим советом, собравшимся под главенством своего господина (фараона³, а в Новом царстве заменяющего его визира), является тем основным признаком, который отличает этот орган от *джаджата*.

Разница между *кенбетом* и *джаджатом* состоит, следовательно, в том, что, несмотря на свое сходство, они восходят к различным социально-экономическим этапам развития древнеегипетского общества. Само название *кенбет*, означающее, вероятно, „люди угла“, т. е. „люди, находящиеся по сторонам своего владыки“, в противоположность *джаджату*, семантически, безусловно, связанному с понятием „глава“ (𓀃 „совет“, 𓀃 „глава“), таит в себе отзвук социальной подчиненности. Название *кенбет* было, по-видимому, заимствовано от существовавшего уже во времена Древнего царства совета начальника Юга⁴.

В чисто правовом отношении замена *джаджата* *кенбетом* имела, как мне представляется, огромные последствия, так как, вероятнее всего, означала на первых порах вытеснение, а позднее — замену обычного права правом, основанным на писаном законе. Не случайно, думается мне, сам термин *hp* — „закон“ впервые появляется именно в Среднем царстве⁵.

¹ На двойственный характер администрации в Древнем царстве указал A. Moret, L'administration locale sous l'ancien empire égyptien, Académie des Inscriptions et Belles-lettres, Paris, 1916, стр. 378 сл.

² A. Moret. Une liste des noms de la Haute-Egypte sous la VIII dynastie. Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Paris, 1914, стр. 565 след.

³ См., например, Сказку о двух братьях, XIX, 4.

⁴ Gabra, Conseils, стр. 14.

⁵ Wb, II, 488.

§ 5. ОСОБЫЕ ВИДЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Некоторые документы Нового царства свидетельствуют о наличии, помимо *кенбета*, каких-то иных судебных органов. Каковы эти документы и о каких судилищах они говорят?

Один случай особого судопроизводства засвидетельствован в письмах¹, посланных от имени начальника войск Паанха (сына фараона Херихора, занимавшего одновременно ряд важнейших должностей, в том числе — верховного жреца Амона и царского наместника Куша) трем разным лицам: писцу Фиванского некрополя Чараи, управителю (*rwd*) начальника войск Пашуубену и своей матери — царице и верховной жрице Амона—Неджемт. Во всех этих письмах речь идет о каком-то преступлении, совершенном двумя некропольскими *маджаями* (полицейскими). В чем оно заключалось, не указано, но вероятнее всего, состояло в государственной измене² или в богохульстве. Первым двум лицам, которым адресованы письма, Паанх приказывает, а верховную жрицу Амона Неджемт он просит со своей стороны приказать привести обвиняемых в его дом, допросить их, так же как и свидетелей, слышавших речи преступников, и, если обвинение подтвердится, утопить виновных. При этом все дело должно остаться в тайне: „Пусть ни один человек во всей стране не знает о них“³, — пишет автор письма.

Разумеется, на основании этих писем трудно доказать факт существования тайного судилища, рассматривавшего те дела, которые не подлежали огласке, ибо, может быть, мы имеем в них дело со случаем столь обычного в восточных деспотиях произвола. Однако предположить на основании этого дела, что такие тайные судилища могли существовать, мне кажется все же возможным. Ведь если толковать все дело как случай произвола, трудно понять, для чего нужно было учинять следствие, допрашивать свидетелей, а главное, знакомить с подлежавшим сохранению в строжайшей тайне делом нескольких лиц.

Другое известное мне дело, не рассматривавшееся перед *кенбетом*, это отпуск на свободу раба. Оно дошло до нас не в виде архивного документа, а в виде иероглифической надписи на статуэтке и, следовательно, является лишь изложением подлинного акта⁴. Судя по надписи, отпуск раба на свободу был зарегистрирован перед *ḥrd p kr*, „*ḥrd. w p kr* царского двора“. Это установление настолько редко упоминается

¹ ПБМ 10487, 10488 и 10489.

² Так полагает издатель папирусов А. Егман, Ein Fall Abgekürzter Justiz, Abhandlungen d Preuss Akad., Phil—Hist. Klasse, Berlin, 1913, № I, стр. 13.

³ ПБМ 10488, vs. 1.

⁴ Статуэтка Луврского музея Е. 11673.

в связных текстах, что сказать о нем что-либо определенное довольно трудно¹.

Разумеется, отпуск раба на свободу, вне всякого сомнения, имел место в Египте далеко не единожды, но, к сожалению, только одна надпись сообщает о фиксации этого акта. Поэтому, как бы это мне ни казалось вероятным, я не могу утверждать, что отпуск раба на свободу должен был быть обязательно оформлен перед судом. Однако одна деталь в той надписи, которая сообщает об отпуске раба на волю, дает основание для того, чтобы утверждать, что во всяком случае данный акт должен быть оформлен перед судебным органом: я имею в виду то обстоятельство, что одновременно с отпуском раба его бывший владелец выдает за него замуж свою племянницу и гарантирует ему после своей смерти, наравне с собственной женой и племянницей, долю в наследстве. А такого рода документы, как этого и требует „инструкция везиру“², действительно оформлялись перед судебным органом³. Поэтому можно считать, что „*ḥrd p kr* царского двора“ имело какие-то судебные права. Ограничивались ли эти права только регистрацией гражданских актов, как это предполагает Ж. Линаж⁴, сказать довольно трудно. Учитывая указания „инструкции везиру“, это кажется маловероятным. Скорее следует допустить, что это какая-то инстанция, ведающая исчислением рабов (*hm h śb*, „раб исчисленный“; см. ниже, стр. 165) и действующая не на основании законов, а ведомственных (должностных) инструкций.

Точно так же мне представляется пока еще невозможным решить вопрос о том, не существовал ли во времена Нового царства наряду с государственными судебными установлениями — палатами *кенбет*, суд, действовавший на основе обычного права и разбиравший маловажные споры. За допустимость такого предположения говорит то обстоятельство, что жителям отдаленных районов страны было достаточно трудно добираться в те сравнительно немногие центры, где имелись *кенбеты*. Однако никаких данных, могущих подкрепить такое предположение, обнаружить в источниках мне пока не удалось. Лишь указание уже неоднократно упоминавшейся надписи Меса, что участки земли были распределены между наследниками одним из членов *кенбета* в присутствии⁵ „почтенных людей

¹ Термин *ḥrd p kr*, означавший, по-видимому, что данное лицо воспитывалось вместе с царскими детьми, большей частью упоминается в титулах, см., например, стелы Каирского музея 20054, 20058, 20143 и др.; правильность чтения термина подтверждена Гардинером (Gardiner, Taxation, JEA; т. 27, 1941, стр. 57 сл.). Вероятно, имеется в виду какое-то присутствие, которое, возможно, ведало делами такого порядка.

² Инструкция визиру, стр. 19.

³ См., например, ПТМ 2021.

⁴ J. de Linage, L'acte d'établissement et le contrat du mariage d'un esclave, BIFAO, т. 38, стр. 217 сл.

⁵ Текст в этом месте поврежден и слово восстановлено.

поселения“¹, да сообщение о том, что обвинение в произнесении хулы на фараона разбиралось *кенбетом* „и полным составом отрядов некрополя“² могут быть приведены в качестве крайне незначительных доказательств такого предположения.

К числу дел, рассматривавшихся перед особым судилищем, обычно причисляют также обвинение в организации заговора против Рамсеса III³. От первого столбца папируса, на котором были зафиксированы итоги процесса, сохранились лишь отдельные слова, почему инстанция, которая вела его, точно не известна. Так как заговор являлся выражением борьбы различных групп придворной знати, а обвинения были предъявлены нескольким высокопоставленным лицам (в их числе имелись царские жены и высшие сановники), то предположение о том, что процесс рассматривался не в обычном суде, достаточно вероятно. Некоторые сомнения по этому вопросу у меня все же возникают. Из речи царя⁴ мы знаем состав судей. Ими были: два начальника сокровищницы, два штандартоносца, пять дворецких, царский докладчик и два писца, т. е. те самые лица, которые обычно являлись членами центрального *кенбета*⁵. И весьма вероятно, что дело действительно слушалось в центральном *кенбете*. Ведь в пользу такого вывода говорит и состав судей, и то обстоятельство, что в нескольких местах текст называет судей „великие *серы* залы допроса“⁶, т. е. весьма сходно с тем, как члены „большого *кенбета*“ названы в одном из документов процесса грабителей Фиванского некрополя⁷. Да и инструкция, которая была дана царем судьям, сводящаяся к утверждению, что царь не навязывает ни определения виновности того или иного из обвиняемых, ни меры наказания осужденным⁸, и свидетельствующая о том, что царь стремился максимально соблюсти законность (каковы причины этого и насколько это желание искренне, для нас в данном случае несущественно), также говорит в пользу предположения, что дело

¹ Gardiner. Mes, текст N 20.

² OKM 25556, 2—3.

³ См., например, Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. 1, М., 1935, стр. 316 и Seidl, Einführung, стр. 32.

⁴ Как установлено акад. В. В. Струве (Struve. Ort der Herkunft und Zweck der Zusammensetzung der grossen Papyrus Harris, „Aegyptus“, Milano, год 7, 1926, стр. 3 сл.), процесс в действительности велся при Рамсесе IV, ибо Рамсес III в результате заговора был убит.

⁵ Как члены „большого *кенбета*“ сановники тех же рангов упоминаются: начальник сокровищницы — ПБрМ 10383, 1, 2—3; ПЛивМ 11162, 1, 6—7 и ПБрМ 10052, 1, 1—5; штандартоносец — ПБрМ 10054, vs. 1, 2—3. ПБрМ 10052, 1, 2—3; ПЛивМ 11162, 1, 6—7 и др.; докладчик фараона — ПБрМ 10054, vs. 1, 2—3; ПБрМ 10221, 7, 2—6; П. Леопольд II, 1, 5—7; писец — ПБрМ 10052, 1, 1—5; ПЛивМ 11162, 1, 6—7; ПБрМ 10221, 7, 2—6; дворецкие — ПБрМ 10221, 7, 2—6; П. Леопольд II, 1, 5—7 и др.

⁶ ЮПТМ 4, 1, 4, 2, 4, 3 и др.

⁷ ПБрМ 10052, 5, 3.

⁸ ЮПТМ 2, 5—9.

о гаремном заговоре скорее всего разбиралось в „большом *кенбете*“. Лишь отсутствие среди судей везира вынуждает меня воздержаться от окончательного суждения по вопросу о том, каков был характер процесса против участников в гаремном заговоре.

Таковы те случаи, когда в роли судебных органов выступают институты, точный характер которых пока еще не ясен. Сделать из них какие-либо общие выводы в настоящее время мне кажется невозможным.

§ 6. КЛАССОВЫЙ ХАРАКТЕР ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО СУДА

Хотя отправление правосудия в Древнем Египте находилось всецело в руках рабовладельцев, правящая верхушка общества всячески стремилась к тому, чтобы внушить низшим слоям господствующего класса представление о беспристрастии суда и о равенстве перед ним всех египтян, независимо от их общественного положения. Для этой цели использовались все средства идеологического воздействия и в первую очередь религия. Из религиозных представлений, имевших в этом отношении наибольшее значение, нужно прежде всего отметить те, которые были связаны с идеей загробного суда, с идеей о потустороннем воздаянии человеку за содеянное им на земле. Эта мысль нашла свое наиболее развитое выражение в так называемой СXXV главе „Книги мертвых“, сложившейся в период Нового царства¹. Однако основные положения, связанные с этим взглядом, имеются уже в I и XVII главах той же книги, восходящих к Среднему царству, а само представление о загробном суде выражено еще в „Текстах пирамид“. И если вера в то, что покойник, представ перед судом эннеады богов, будучи оправданным сю, становится Осирисом, касалась первоначально только царя, а позднее — вельмож, то во времена XI—XII династий она была перенесена на всех верующих². По этим представлениям беспристрастный суд богов обещал каждому за праведную жизнь на земле вечное блаженство в царстве мертвых, причем суд этот, как говорится в одной заупокойной надписи позднего времени, был равным для всех, ибо: „нет там (т. е. в царстве мертвых.—И. Л.) разницы между бедным и богатым“³.

¹ Р. И. Рубинштейн. СXXV глава „Книги мертвых“, Ученые Записки Педагогического института им. Герцена, т. XI, Л., 1938, стр. 293 сл.

² И. Половский, специально изучавший тексты, относящиеся к XI династии, указывает, что на весьма многочисленных памятниках Фиванского круга имени Осириса до XI династии встречается лишь три раза, тогда как начиная с этого времени оно упоминается очень часто. J. Polotsky. Zu den Inschriften der XI Dynastie, Leipzig, 1929, стр. 57.

³ G. Lefebvre. Textes du tombeau de Pétosiris. Ann. du. Serv., т. XXI, Le Caire, 1920—1921, стр. 224, надпись 116.

Какое огромное идеологическое значение имело такое представление, вряд ли следует доказывать, а то, что оно действительно распространялось на всех верующих, лучше всего показывает тот факт, что даже цари — главы уже сложившегося мощного деспотического государства Египта времени Нового царства — должны были на загробном суде устанавливать свою праведность, свое право стать Осирисом. И то, что это было так, с полной очевидностью следует из таких, например, фактов, что на стене гробницы Рамсеса IV высечен текст „отрицательной исповеди“ царя, а в гробнице Рамсеса VI — текст СХХV главы „Книги мертвых“. И то обстоятельство, что не только для царей, но и для вельмож и всех зажиточных слоев общества жречество, создав „Книгу мертвых“, магически очищавшую своего обладателя от всех грехов, превратило эту необходимость „оправдываться“ перед судом богов в пустую формальность¹, не меняло огромного морального значения самой идеи о посмертном воздаянии. Именно эта идея, идея о том, что все умершие, в том числе и цари, должны были предстать перед судом богов, и породила, думается мне, ошибочный рассказ Диодора о том, что царь после смерти судился своими подданными, и от их решения зависело достижение им вечного блаженства (1, 72).

Понятно, что само представление о том, как выглядел этот суд богов в царстве мертвых, могло возникнуть только под влиянием земного суда, но возникнув, оно в свою очередь было использовано для придания последнему всяческого авторитета. С этой целью, например, везиров отожествили с богом Тотом, исполнявшим в суде богов аналогичные обязанности. Поэтому считалось, что везир „правосуден как Тот“ и что „на его языке находятся писания Тота“². Точно так же свитки законов, которыми руководствовался суд, считались данными тем же богом Тотом.

Как судья еще со времен IV династии везир имел титул „жрец богини Маат“, т. е. жрец богини Истины³. Символ этой богини, начиная с Древнего царства — в виде пекторали, а с Сапсского времени — в виде лазуритовой статуэтки, висел на груди у везира⁴: он должен был освящать действия верховного судьи.

Утверждение „истинности“ и „беспристрастности“ суда имеется в разного рода надписях и папирусах. Так, например,

эта идея проводится в одной из надписей на стене гробницы визира Рехмира (времени Тутмеса III — Аменхотепа II), заявляющей, что везир: „беспристрастный, отпускающий противников примиренными, когда судит бедного и богатого. Не плачет пожаловавшийся ему“¹. Большое место уделено этой мысли и в традиционной надписи о возведении визира в свою должность.

Ту же цель утверждения „беспристрастности“ суда преследуют морально-политические трактаты. Так, Птаххотеп в своем наставлении (которое древнеегипетская традиция возводит ко времени V династии), известном по нескольким спискам Среднего и начала Нового царства, поучает будущего судью: „Когда ты действуешь как муж² кенбета... (пусть будут) твои речи беспристрастными“³. Отдельная глава в „Поучении Аменемопе“, датируемом поздним временем, посвящена поведению судьи, которому в числе прочего указывается: „Не бери подношений от сильного и не вреди ради него слабому“⁴.

Деятельность древнеегипетского суда была, однако, весьма далека от всех этих требований. Продажность суда, взяточничество играло в процессах очень большую роль. За взятку писец выкрадал из архивов суда обвинительные документы⁵, а полицейские чины выпустили арестованных грабителей. Вот, например, что показал на следствии в 16-м году Рамсеса IX арестованный по обвинению в ограблении царских могил Амонпанефер, каменщик храма Амона: „Спустя несколько дней квартальный Фив услыхал, что мы грабили на Западе (Фив), и он схватил меня и он заключил меня в служебном помещении главы Фив. Я взял эти 20 дебен золота, которые достались мне как моя часть, и отдал их Хаэмипету, писцу квартала гавани (?) Фив, который отпустил меня. Я (же) вернулся к моим сообщникам, и они возвестили мне мою часть, и я стал, вплоть до сегодняшнего дня, по обыкновению, грабить могилы знатных и людей земли вместе с другими грабителями, которые вместе со мной“⁶. Взяткой не брезговал и правитель Элефантины, проверявший правильность обвинений в воровстве, предъявленных чиновникам⁷. Взятки от грабителей царского некрополя требуют начальник лучников и писец царских документов⁸, то есть лица, которые по роду своей службы должны были бы пресекать беззаконие. Ничем иным, как взяткой, нельзя объяснить то происшествие, о котором говорит надпись Меса, когда

¹ Urk. IV, 1118, 6—9.

² Буквально „сын человека“, т. е. знатный, известный человек. См. Wb. III, 406, 1.

³ П. Присс, 13, 1.

⁴ Поучение Аменемопе XXI, 3—4.

⁵ ПБРМ 10055, 1, 18; J. Сегпү Papyrus Salt 124, JEA, т. XV, 1929, стр. 243 сл.

⁶ П. Леопольд II, 3, 2—7.

⁷ ПТМ, 1887, vs. 1, 2—3.

⁸ ПБРМ 10053, vs. 3, 12—14.

¹ Об этом писал еще академик Б. А. Тураев. Египетская литература, т. I, М., 1920, стр. 137.

² H. Kees, Aegypten, München, 1933, стр. 189.

³ J. Ригеппе, Histoire..., т. II, стр. 125.

⁴ G. Möller. Das Amtsabzeichen des Oberrichter, in der Spätzeit. AZ, 56, 1920, стр. 67 сл.; Н. Д. Флиттер. Эрмитажная статуэтка богини Маат, „Изобразительное искусство“, сборник Института истории искусств, Л., 1927, стр. 17—23; B. Grdzeloff. L'insigne du juge égyptien, Ann. du Serv. т. 40, 1941, стр. 185 сл.

оказалось, что копии кадастровых записей, предъявленных одной из сторон во время процесса, оказались не соответствующими подлинным документам¹. Впрочем, следует ли всему этому удивляться, если за взятку сам везир назначил, в нарушение законного претендента, другое лицо начальником отряда ремесленников². Любопытно, что даже писцу, выполнявшему приказание везира, жалобщики — ремесленники Фиванского некрополя — сочли необходимым дать „подарок“³.

Взяточничество и вымогательство суда были общеизвестны. Недаром автор поучения, описывающий нечестивые деяния богача, позарившегося на достояние своего соседа — бедняка, пишет: „Он грабит как крокодил, подобно *кенбету* (т. е. суду)⁴, а молитва, которую обращает к Амону лицо, просящее помочь бога в суде, гласит: „О, Амон, склони уши твои к одинокому в *кенбете* (т. е. в суде), который беден и не богат. Когда *кенбет* вымогает (у) него серебро и золото для писца циновки⁵, одеяния для слуг, да обретет Амон образ везира, чтобы высвободить бедняка“⁶.

С этим явлением, которое разъедало не только суд, но и весь аппарат государства, пытались бороться. Лучшим средством для этого считалось назначение судьями богатых людей. Так, поучение, восходящее к Среднему царству и наставляющее царя государственной мудрости, рекомендует ему: „Обогащай своих *серов* (знатных), чтобы они выполняли твои законы. Беспристрастен богатый в своем доме — это владыка имущества, который не нуждается. Неимущий (же) не говорит по его (т. е. просителя. — И. Л.) правде; не справедлив говорящий: „О, если бы мне!“ — он пристрастен для каждого, платящего ему⁷.

Мысль, высказанная автором поучения, вполне соответствует воззрениям того времени. Так, один из Сиутских номархов приказал написать на стене своей гробницы: „Я судил тяжущихся беспристрастно, ибо я был богат“⁸. Но хотя такое представление полностью отвечало интересам знати и зажиточных слоев общества, из среды которых назначались судьи и весь чиновничий аппарат, оно, конечно, ни в какой мере не могло помешать взяточничеству и продажности суда, тем более, что на этот путь толкала судей сама система организации чиновного аппарата. Дело в том, что судьи, как видимо и прочие чиновники, корми-

лись не только от тех земель, которыми фараон оплачивал их службу, но и от тех „подношений“ (*fk w*), которые доставляли им все лица, обращавшиеся к ним по своим делам. И если размеры доходов, поступавших с земель, были ограничены в какой-то мере обычаем или законом, то размер подношений, которые они вымогали от просителей, всецело зависел от того, насколько умело это делали чиновники.

Возможностей же к этому у них было очень много. Вспомним хотя бы уже упоминавшийся выше процесс Меса, который касался прав собственности на землю. Эта тяжба велась на протяжении многих лет, по крайней мере двумя поколениями. В течение этого процесса и истец и ответчик должны были предъявить различные доказательства, в том числе выписки из земельных описей, хранившихся в сокровищнице и в управлении закромов фараона. Дело было возбуждено во время приезда везира в Гелиополь и разбиралось в суде Мемфиса, а затем в центральном суде Египта — в Фивах. Стороны должны были побывать также в тогдашней столице — Перрамсесе. Суд посыпал некоторых из своих членов в ту местность, где находились спорные земли¹, и допрашивал там многих свидетелей. Понятно, что весь этот длительный процесс, усложненный к тому же тем, что ответчик не только представил, как это выяснилось позднее, фальшивые кадастровые описи, но сумел устроить подлог в документах, хранившихся в царской сокровищнице в городе Перрамсесе, был сопряжен для сторон со многими расходами, а для судейских чиновников — с изрядными доходами.

Часть доходов, собираемых чиновниками, поступала государству² (это, возможно, была какая-то установленная доля)³, которое тоже было заинтересовано в их увеличении. Поэтому никакие мероприятия морального порядка, не менявшие систему оплаты чиновничества, не могли воспрепятствовать вымогательству и продажности судебного аппарата. Именно этому обстоятельству обязана своим появлением молитва, обращенная к Амону-Ра как судье, в которой восхваляется его неподкупность, выражаяющаяся в том, что он не вымогает „подарков“ и не берет их от неправого: „О, Амон-Ра!.. везир бедняка! Он

¹ Gardiner. Mes, текст N 10 и 14.

² ПБрМ 10055, 1, 3.

³ Botti et Peet. Giornale, табл. 56, 1—4.

⁴ П. Присс, 7, 5.

⁵ Термин *ss tm* — „писец циновки“ обозначал судейских писцов, которые во время суда сидели на циновке. См. *Caminos*, LEM, стр. 57.

⁶ П. Анастази II, 8, 5—9; Gardiner, LEM, стр. 17.

⁷ ПЭМ, 1116 A. vs., стрк. 42 сл.; W. Golénischeff. Les Papyrus hiératiques de l'Ermitage, St. Petersb. 1913.

⁸ Urk. VII, 59, 15—16.

¹ Если эта местность идентична с одноименной, упоминаемой в папирусе Вильбур Б, 9, 22, 24, то спорные земли находились в долине Нила к востоку от пустыни, отделяющей реку от северного конца Фаюмского оаза. См. Gardiner. Wilbour, т. II, стр. 178.

² Передачу части поборов, собранных местными палатами, везиру мы видим на стенах гробницы Рехмира, где изображены представители *кенбетов*, передающие везиру свои подати. Тексты, описывающие изображенные сцены см. Urk. IV, 1132, 17; 1133, 5 и др. См. также S. Gabra, Les cens..., стр. 21.

³ Так предполагал еще W. M. Müller, Erklärungen des grossen Dekrets des Königs Har-m-hebe. AZ, т. 26, 1888, стр. 93.

не берет подношений от неправого. Он не говорит „принести доказательства“. Он не взирает на сущего“¹.

Недостаточность увещеваний для борьбы с укоренившимся взяточничеством и продажностью суда была осознана и самими правителями Египта. Этим, очевидно, следует объяснить появление в „Указе Харемхеба“ следующих установлений²: „Я упорядочил эту землю на [всем] ее протяжении, ... я изучил³ ее внимательно до юга, я надзирал⁴ за ней..., я [исчислил] поступления (*hgrw*) как надобные ей, я знал ее содержимое на всем ее протяжении, я исходил ее от начала до середины. Я выискивал людей⁽⁴⁾... молчаливых, добронравных, умеющих судить сокровенное⁵, внимающих словам Дворца и законам судебного зала. Я назначил их, чтобы судить Обе Земли, чтобы удовлетворить [их] обитателей... Я поместил их в обоих⁶ больших городах Верхнего и Нижнего Египта; каждый муж из них был при своем жаловании⁷. Я дал им наставления и законы в записях...⁸ (5)... Я наставил их на путь жизни, я направил их к истине⁹. Мое поучение к ним: „Не объединяйтесь с другими людьми, не берите подношений от другого, ибо это не имеет успеха (?)...“.

Что же касается подати серебром, золотом [и медью⁽⁶⁾] приказало мое величество уничтожить ее, дабы не собирали подати с какого-либо имущества (членов) *кенбетов* Верхнего и Нижнего Египта.

Точно так же всякий князь или жрец, о котором будут услышаны речи: „Он восседает, чтобы судить среди *кенбета* призванного¹⁰, чтобы судить, и он творит в нем неправду против истины“, — вменится ему как великое смертное преступление.

Мое величество сделало это, чтобы упорядочить законы Египта, чтобы не имелись другие [случаи беззакония].

¹ ПБолМ 1094, 2, 3—4; Gardiner, LEM, стр. 2.

² Так называемый „Указ Харемхеба“, левая сторона, строки 3—7. Текст указа сохранился очень скверно. В своем переводе я опираюсь на работу K. Pflüger. The Edict of king Haremheb, JNES, т. V, 1946, стр. 260 сл. и опыт реконструкции текста у W. Helck. Das Dekret des Königs Haremheb, AZ, т. 80, 1955, стр. 109—136.

³ Буквально: „изъездил“.

⁴ Wb., т. I, 95, 11, оставляет слово без перевода. Предлагаемое значение дано Пфлюгером.

⁵ Буквально: „то, что внутри“.

⁶ Пфлюгер считает, что здесь ошибочно дано двойственное число, тогда как на самом деле оно применено здесь совершенно правильно, ибо в те времена были только две судебные палаты: *кенбет* в Мемфисе и *кенбет* в Фивах.

⁷ Перевод слова *m d* как „жалование“ предложен Пфлюгером.

⁸ Об этом слове см. J. Černý. The Will of Naunakhte and the Related Documents, JEA, т. 31, 1945, стр. 32.

⁹ Буквально: „к месту истины“.

¹⁰ Буквально: „данного“.

Этим законом судьи освобождались от внесения налогов с должности и одновременно устанавливалось, что нарушение ими законов повлечет за собой наказание как за тягчайшее преступление. Соединение таких разных, на наш взгляд, положений объясняется, по-видимому, тем, что законодатель видел связь между налоговым обложением судей и совершамыми ими преступлениями против правосудия.

Примечательно, что „Указ Харемхеба“ не запрещает судьям вообще принимать „подношения“, а требует от них лишь того, чтобы они не брали их „от другого“, т. е. от обоих тяжущихся сторон. Следовательно, указ исходит из той же идеи, которая вложена в приведенное выше восхваление Амона-Ра, принимающего дары лишь от стороны, признанной правой. Такие „подношения“, делавшиеся после суда, считались, видимо, вполне нормальными и законными.

К сожалению, мы не располагаем данными, чтобы судить о том, привело ли освобождение судей от уплаты налогов с должности к сколько-нибудь значительному уменьшению взяточничества, но в том, что оно во всяком случае не ликвидировало его, мы можем быть твердо уверены, ибо ряд упоминавшихся выше фактов, свидетельствующих о коррупции суда, относятся ко времени после Харемхеба.

Сведения, которыми в настоящее время располагает наука, не позволяют на конкретных примерах показать, как законодательство и древнеегипетский суд своими решениями защищали интересы господствующего класса. Однако все сказанное не оставляет сомнений в том, что деятельность суда была прежде всего направлена к этому.

